ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В. О. Ключевский

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Преподавателям слово дано не для того, чтобы усыплять свою мысль, а чтобы будить чужую» – в этом афоризме выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского выразилось его собственное научное кредо. Ключевский был замечательным лектором: чеканность его формулировок, интонационное богатство, лаконичность определений завораживали студентов. Литографии его лекций студенты зачитывали в буквальном смысле до дыр.

«Исторические портреты» В.О.Ключевского – это блестящие характеристики русских князей, монархов, летописцев, священнослужителей, полководцев, дипломатов, святых, деятелей культуры.

Издание основывается на знаменитом лекционном «Курсе русской истории», который уже более столетия демонстрирует научную глубину и художественную силу, подтверждает свою непреходящую ценность, поражает новизной и актуальностью.

- Василий Осипович Ключевский
  - Екатерина II
- notes
  - 1

Василий Осипович Ключевский

Екатерина II

Императрица Екатерина II

Переворот 28 июня 1762 г. Лицом, во имя которого было предпринято движение, стала императрица, успевшая приобрести широкую популярность, особенно в гвардейских полках. Император дурно жил с женой, грозил развестись с ней и даже

заточить в монастырь, а на ее место поставить близкую ему особу, племянницу канцлера графа Воронцова. Екатерина долго держалась в стороне, терпеливо перенося свое положение и не входя в прямые сношения с недовольными. Но сам Петр вызвал ее к действию. Чтобы переполнить чашу русского огорчения и довести всенародный ропот до открытого взрыва, император заключил мир (24 апреля 1762 г.) с тем самым Фридрихом, который при Елизавете приведен был в отчаяние русскими победами. Теперь Петр отказался не только от завоеваний, даже от тех, которые уступал сам Фридрих, от Восточной Пруссии, не только заключил с ним мир, но присоединил свои войска к прусским, чтобы действовать против австрийцев, недавних русских союзников. Русские скрежетали зубами от досады, замечает Болотов. За парадным обедом 9 июня, по случаю подтверждения этого мирного договора, император провозгласил тост за императорскую фамилию. Екатерина выпила свой бокал сидя. На вопрос Петра, почему она не встала, она отвечала, что не считала этого нужным, так как императорская фамилия вся состоит из императора, из нее самой и их сына, наследника престола. «А мои дяди, принцы Голштинские?» – возразил Петр и приказал стоявшему у него за креслом генерал-адъютанту Гудовичу подойти к Екатерине и сказать ей бранное слово. Но, опасаясь, как бы Гудович при передаче не смягчил этого неучтивого слова, Петр сам выкрикнул его через стол во всеуслышание. Императрица расплакалась. В тот же вечер приказано было арестовать ее, что, впрочем, не было исполнено по ходатайству одного из дядей Петра, невольных виновников этой сцены.

С этого времени Екатерина стала внимательнее прислушиваться к предложениям своих друзей, какие делались ей, начиная с самой смерти Елизаветы. Предприятию сочувствовало множество лиц высшего петербургского общества, большею частью лично обиженных Петром. Таков был граф Никита Панин, елизаветинский дипломат и воспитатель великого князя наследника Павла; такова была 19-летняя дама княгиня Дашкова, сестра фаворитки, имевшая через мужа большие связи в гвардии. Сочувствовал делу и архиепископ Новгородский Димитрий Сеченов, который по своему сану, разумеется, не мог принять прямого участия в заговоре. Но всего больше помогал делу втихомолку малороссийский гетман и президент Академии наук граф Кирилл Разумовский, богач, за щедрость чрезвычайно любимый в своем гвардейском Измайловском полку.

Настоящими дельцами предприятия была гвардейская офицерская молодежь, преображенцы Пассек и Бредихин,

измайловцы Ласунский и братья Рославлевы, конногвардейцы Хитрово и унтер-офицер Потемкин. Центром, около которого соединялись эти офицеры, служило целое гнездо братьев Орловых. Из него особенно выдавались двое: Григорий и Алексей. Силачи, рослые и красивые, ветреные и отчаянно-смелые, мастера устраивать по петербургским окраинам попойки и кулачные бои насмерть, они были известны во всех полках как идолы тогдашней гвардейской молодежи. Старший из них, Григорий, артиллерийский офицер, давно был в сношениях с императрицей, которые искусно скрывались. Заговорщики делились на четыре отделения, во главе которых стояли особые вожди, собиравшиеся для совещаний. Впрочем, не было обычного конспиративного ритуала: ни правильных собраний, ни рассчитанных приемов пропаганды; не заметно и подробно разработанного плана действий. Да в этом и не было надобности: гвардия давно была так воспитана целым рядом дворцовых переворотов, что не нуждалась в особой подготовке к подобному предприятию, лишь бы было популярное лицо, во имя которого всегда можно было поднять полки. Накануне переворота Екатерина считала на своей стороне до 40 офицеров и до 10 тысяч солдат гвардии. Переворот не был нечаянным: его все ждали. Всего за неделю до него, среди все усиливавшегося волнения, по улицам столицы ходили толпы народа, особенно гвардейцев, и почти въявь «ругали» государя. Впечатлительные наблюдатели считали часы в ожидании взрыва. Разумеется, к Петру шли доносы, а тот, веселый и беззаботный, не понимая серьезности положения, ни на что не обращал внимания и продолжал ветреничать в Ораниенбауме, не принимая никаких мер предосторожности, даже сам, как деятельный заговорщик против самого себя, раздувал тлевший огонь.

Окончив бесполезно для России одну войну, Петр затевал другую, еще менее полезную, разорвав с Данией, чтобы возвратить отнятый ею у Голштинии Шлезвиг. Воинственно двигая силы Русской империи на маленькую Данию для восстановления целости родной Голштинии, Петр в то же время ратовал за свободу совести в России. Синоду 25июня дан был указ, предписывавший равенство христианских вероисповеданий, необязательность постов, неосуждение грехов против седьмой заповеди, «ибо и Христос не осуждал», отобрание в казну всех монастырских крестьян; в заключение указ требовал от Синода непререкаемого исполнения всех мероприятий императора. Сумасбродные распоряжения Петра побуждали верить самым невероятным слухам. Так, рассказывали, что он хочет развести всех придворных дам с их мужьями и перевенчать с другими по своему выбору, а для примера – развестись с собственной женой и

жениться на Елизавете Воронцовой, что, впрочем, могло случиться. Становится понятным общее молчаливое соглашение, во что бы ни стало избавиться от такого самодержца. Выжидали только благоприятного случая, и его подготовлял сам Петр своей датской войной. Гвардия с огорчением ожидала приказа выступать в поход за границу, и приезд государя в Петербург на проводы Панин считал удобным моментом для переворота.

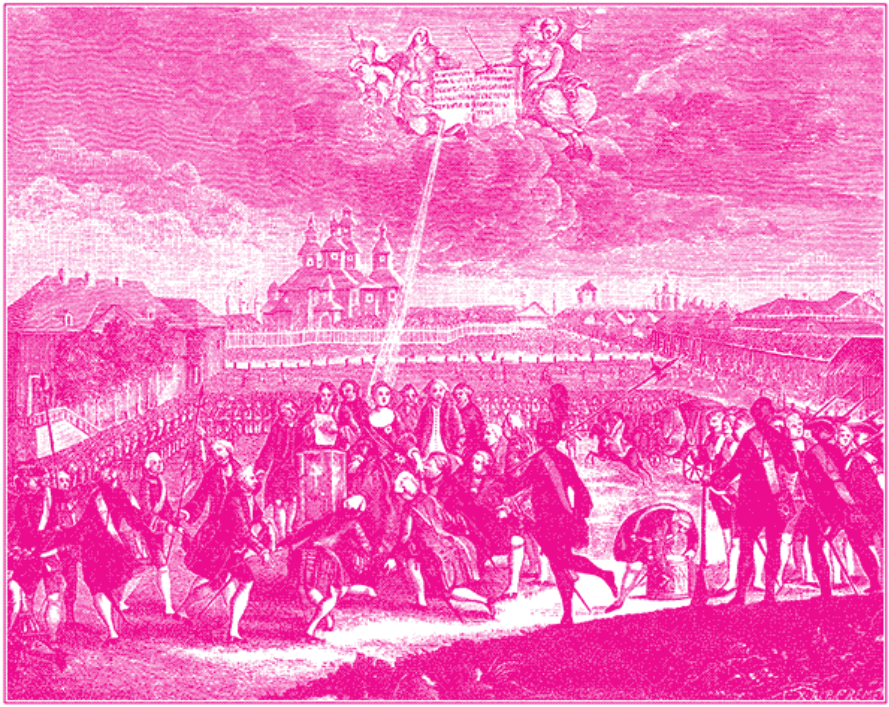
Но взрыв был ускорен случайным обстоятельством. К Пассеку вбежал встревоженный преображенский капрал с вопросом, скоро ли свергнут императора, и с известием, что императрица погибла; тревога солдат вызвана была слухами, какие распускали про Екатерину сами заговорщики. Пассек выпроводил солдата, уверив его, что ничего подобного не случилось, а тот бросился к другому офицеру, не принадлежавшему к заговору, и сказал ему то же самое, прибавив, что был уже у Пассека. Этот офицер донес о слышанном по начальству, и 27 июня Пассек был арестован. Арест его поднял на ноги всех заговорщиков, испугавшихся, что арестованный может выдать их под пыткой. Ночью решено было послать Алексея Орлова за Екатериной, которая жила в Петергофе в ожидании дня именин императора (29 июня).

Рано утром 28 июня А. Орлов вбежал в спальню к Екатерине и сказал, что Пассек арестован. Кое-как одевшись, императрица села с фрейлиной в карету Орлова, поместившегося на козлах, и была привезена прямо в Измайловский полк. Давно подготовленные солдаты по барабанному бою выбежали на площадь и тотчас присягнули, целуя руки, ноги, платье императрицы. Явился и сам полковник граф К. Разумовский. Затем, в предшествии приводившего к присяге священника с крестом в руке, двинулись в Семеновский полк, где повторилось то же самое. Во главе обоих полков, сопровождаемая толпой народа, Екатерина поехала в Казанский собор, где на молебне ее возгласили самодержавной императрицей. Отсюда она отправилась в новоотстроенный Зимний дворец и застала там уже в сборе Сенат и Синод, которые беспрекословно присоединились к ней и присягнули. К движению примкнули конногвардейцы и преображенцы с некоторыми армейскими частями и в числе свыше 14 тысяч окружили дворец, восторженно приветствуя обходившую полки Екатерину; толпы народа вторили войскам.

Без возражений и колебаний присягали и должностные лица, и простые люди, все, кто ни попадал во дворец, всем тогда открытый. Все делалось как-то само собой, точно чья-то незримая рука заранее все приладила, всех согласила и вовремя оповестила. Сама Екатерина, видя, как радушно все ее приветствовали, ловили ее руку, объясняла это единодушие

народным характером движения: все приняли в нем добровольное участие, чувствовали себя в нем самостоятельными деятелями, а не полицейскими куклами или любопытными зрителями. Между тем наскоро составили и раздавали народу краткий манифест, который возвещал, что императрица, по явному и нелицемерному желанию всех верных подданных, вступила на престол, став на защиту Православной Русской церкви, русской победной славы и внутренних порядков, совсем ниспроверженных.

Вечером 28 июня Екатерина, во главе нескольких полков, верхом, в гвардейском мундире старого петровского покроя и в шляпе, украшенной зеленой дубовой веткой, с распущенными длинными волосами, рядом с княгиней Дашковой, тоже верхом и в гвардейском мундире, двинулась в Петергоф, куда в тот день должен был приехать из Ораниенбаума император со свитой, чтобы обедать в Монплезире, петергофском павильоне, где помещалась Екатерина. С большим придворным обществом Петр подъехал к Монплезиру – он оказался пустым. Обшарили весь сад – нигде ее нет! Узнали, что императрица рано утром тайком уехала в Петербург. Все растерялись в недоумении. Три сановника, в том числе канцлер Воронцов, догадываясь, в чем дело, вызвались ехать в Петербург разузнать, что там делается, и усовестить императрицу. Екатерина всенародно уверяла после, что им велено было даже убить ее в случае надобности. Разведчики, приехав в Петербург, присягнули императрице и не воротились. Получив кое-какие известия из Петербурга, в Петергофе принялись рассылать адъютантов и гусар по всем дорогам к столице, писать приказы, давать советы, как поступить. Решено было захватить Кронштадт, чтобы оттуда действовать на столицу, пользуясь морскими силами. Но когда император со свитой приблизился к крепости, оттуда было объявлено, что по нему будут стрелять, если он не удалится. У Петра не хватало духа, чтобы по совету Миниха спрыгнуть на берег или плыть к Ревелю, а оттуда в Померанию и стать во главе русской армии, находившейся за границей. Петр забился в низ галеры и среди рыданий сопровождавших экспедицию придворных дам поплыл назад в Ораниенбаум.

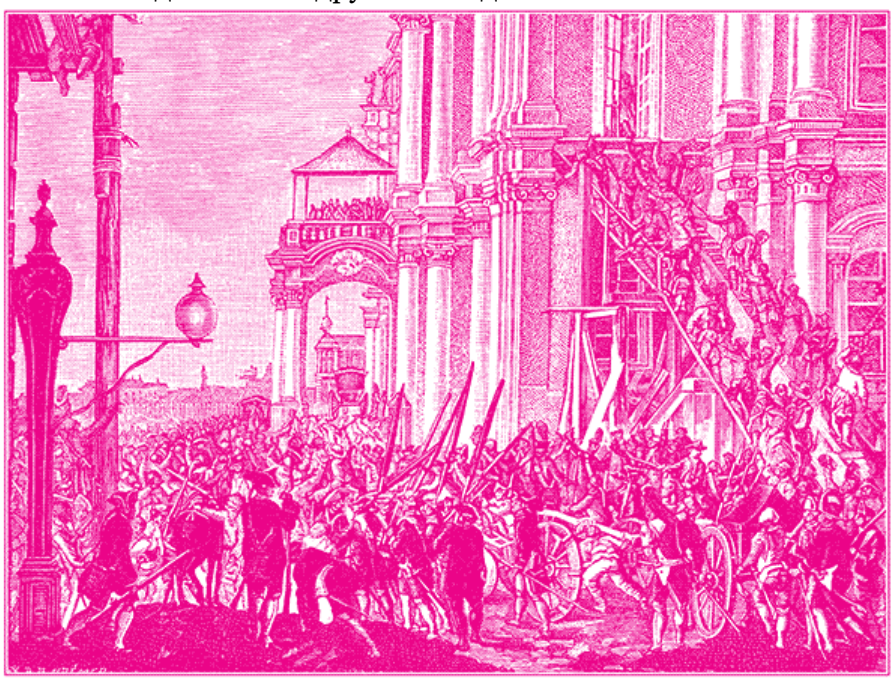


Присяга Измайловского полка Екатерине II.
С оригинального рисунка Кестнера

Попытка вступить в переговоры с императрицей не удалась; предложение помириться и разделить власть осталось без ответа. Тогда Петр принужден был собственноручно переписать и подписать присланный ему Екатериной акт якобы «самопроизвольного» клятвенного отречения от престола. Когда Екатерина со своими полками утром 29 июня заняла Петергоф, а Петр дал увезти себя туда из Ораниенбаума, его с трудом защитили от раздраженных солдат. В Петергофском дворце от непосильных потрясений с ним сделался обморок. Несколько времени спустя, когда пришел Панин, Петр бросился к нему, ловил его руки, прося его ходатайства, чтобы ему было позволено удержать при себе четыре особенно дорогие ему вещи: скрипку, любимую собаку, арапа и Елизавету Воронцову. Ему позволили удержать три первые вещи, а четвертую отослали в Москву и выдали замуж за Полянского.

Случайный гость русского престола, он мелькнул падучей звездой на русском политическом небосклоне, оставив всех в недоумении, зачем он на нем появлялся. Бывшего императора удалили в Ропшу, загородную мызу, подаренную ему императрицей Елизаветой, а Екатерина на другой день торжественно вступила в Петербург.

Так кончилась эта революция, самая веселая и деликатная из всех нам известных, не стоившая ни одной капли крови, настоящая дамская революция. Но она стоила очень много вина: в день въезда Екатерины в столицу, 30 июня, войскам были открыты все питейные заведения; солдаты и солдатки в бешеном восторге тащили и сливали в ушаты, бочонки, во что ни попало, водку, пиво, мед, шампанское. Три года спустя в Сенате еще производилось дело петербургских виноторговцев о вознаграждении их «за растащенные при благополучном ее величества на императорский престол восшествии виноградные напитки солдатством и другими людьми».



Екатерина II на балконе Зимнего дворца, приветствуемая войсками.

С рисунка Кестнера

Дело 28 июня, завершая собою ряд дворцовых переворотов XVIII в., не во всем было на них похоже. И оно было исполнено посредством гвардии; но его поддержало открыто выразившееся сочувствие столичного населения, придавшее ему народную окраску. Притом оно носило совсем иной политический характер. В 1725, 1730 и 1741 гг. гвардия установляла или восстановляла привычную верховную власть в том или другом лице, которое вожди ее представляли ей законным наследником этой власти. В 1762 г. она выступала самостоятельной политической силой, притом не охранительной, как прежде, а революционной,

низвергая законного носителя верховной власти, которому сама недавно присягала. К возмущенному национальному чувству примешивалось в ней самодовольное сознание, что она создает и дает отечеству свое правительство, хоть и незаконное, но которое лучше законного поймет и соблюдет его интересы.

Объясняя гвардейский энтузиазм, проявившийся в перевороте, Екатерина вскоре писала, что последний гвардейский солдат смотрел на нее как на дело рук своих. И в ответ на эту революционную лояльность своей гвардии Екатерина поспешила заявить, что узурпация может стать надежным залогом государственного порядка и народного благоденствия. Когда в Петербурге улеглось движение, поднятое переворотом, излишества уличного патриотического ликования покрыты были торжественным актом, изъяснившим смысл совершившихся событий. Обнародован был второй, «обстоятельный» манифест от 6 июля. Это – и оправдание захвата, и исповедь, и обличение павшего властителя, и целая политическая программа. С беспощадной откровенностью разоблачаются преступные или постыдные деяния и злоумышления бывшего императора, которые, по уверению манифеста, должны были привести к мятежу, цареубийству и гибели государства. Видя отечество, гибнущее, и вняв «присланным от народа избранным верноподданным», императрица отдала себя или на жертву за любезное отечество, или на избавление его от угрожавших опасностей.

В лице низложенного императора манифест обличал и бичевал не злосчастную случайность, а самый строй Русского государства. «Самовластие, – гласил манифест, – не обузданное добрыми и человеколюбивыми качествами в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям непосредственно бывает причиною». Никогда русская власть с высоты престола так откровенно не вещала своему народу такой печальной истины, что венец государственного здания, в коем он обитает, своим непрочным построением всегда грозит разрушить самое здание. В предотвращение этого бедствия императрица «наиторжественнейше» обещала своим императорским словом узаконить такие государственные установления, которые «и в потомки» предохранили бы целость империи и самодержавной власти, а верных слуг отечества вывели бы «из уныния и оскорбления».

Но и у этого переворота, так весело и дружно разыгравшегося, был свой печальный и ненужный эпилог. В Ропше Петра поместили в одной комнате, воспретив выпускать его не только в сад, но и на террасу. Дворец окружен был

гвардейским караулом. Приставники обращались с узником грубо; но главный наблюдатель Алексей Орлов был с ним ласков, занимал его, играл с ним в карты, ссужал его деньгами. С самого приезда в Ропшу Петру нездоровилось. Вечером того же 6 июля, когда был подписан манифест, Екатерина получила от А. Орлова записку, писанную испуганной и едва ли трезвой рукой. Можно было понять лишь одно: в тот день Петр за столом заспорил с одним из собеседников; Орлов и другие бросились их разнимать, но сделали это так неловко, что хилый узник оказался мертвым. «Не успели мы разнять, а его уже и не стало; сами не помним, что делали». Екатерина, по ее словам, была тронута, даже поражена этой смертью. Но, писала она месяц спустя, «надо идти прямо – на меня не должно пасть подозрение». Вслед за торжественным манифестом 6 июля по церквам читали другой, от 7 июля, печальный, извещавший о смерти впавшего в прежестокую колику бывшего императора и приглашавший молиться «без злопамятствия» о спасении души почившего. Его привезли прямо в Александро-Невскую лавру и там скромно похоронили рядом с бывшей правительницей Анной Леопольдовной. Весь Сенат просил Екатерину не присутствовать при погребении.

Значение переворотов. Читая манифест 6 июля, чувствуем, что стоим на каком-то важном переломе русской жизни. Он сулил нечто новое или дотоле не удававшееся, именно закономерное государство. Оглянемся несколько назад, чтобы видеть, как мало такое государство было подготовлено, как мысль о нем, вспыхивая по временам, скоро гасла. До конца XVI в. мы наблюдали Русское государство, державшееся еще на основах вотчинного порядка, в котором государство считалось не народным союзом, а фамильным достоянием государя, подданный знал только свои обязанности, не имея законом обеспеченных прав. Казалось, Смутное время должно было очистить государство от последних остатков этого порядка. Народ своими силами вышел из безурядицы, избрал новую династию, которая не строила государства, как ее предшественница, и не могла считать его своей вотчиной. Он показал, что способен стать деятельным участником государственного строения, перестал служить простым строительным материалом.

Действительно, после Смуты наблюдаем в московской государственной жизни два течения, из которых одно промывало себе новое земское русло, хотя другое тянуло к покинутым приказным берегам. Но по мере удаления от своего источника, новая струя постепенно наклонялась к старой, и к концу XVII в. слилась с нею. Вместе с новой династией оживали прежние вотчинные понятия и привычки. Родоначальник новой династии в

своих правительственных актах старался показать народу, что видит в себе не народного избранника, а племянника царя Федора и в этом родстве полагает истинную основу своей власти. Народная самодеятельность, вызванная Смутой, правда, закреплялась во всесословном Земском соборе; но в то же время падало его естественное основание, местное земское самоуправление, и сам Земский собор не отлился в твердое постоянное учреждение, скоро утратил свой первоначальный всесословный состав и, наконец, замер, заметенный вихрем петровской реформы.

Петр I своими понятиями и стремлениями близко подошел к идее правового государства. Он видел цель государства в добре общем, народном благе, не в династическом интересе, а средство для ее достижения – в законности, крепком хранении «прав гражданских и политических». Свою власть он считал не своей наследственной собственностью, а должностью царя, свою деятельность – служением государству. Но обстоятельства и привычки помешали ему привести свое дело в полное согласие с собственными понятиями и намерениями. Обстоятельства вынуждали его работать больше в области политики, чем права, а от предшественников он унаследовал два вредных политических предрассудка – веру в творческую мощь власти и уверенность в неистощимости народных сил и народного терпения. Он не останавливался ни перед чьим правом, ни перед какой народной жертвой. Став преобразователем в европейском духе, он сберег в себе слишком много московского, допетровского царя, не считался ни с правосознанием народа, ни с народной психологией и надеялся искоренить вековой обычай, водворить новое понятие так же легко, как изменял покрой платья или ширину фабричного сукна. Вводя все насильственно, даже общественную самодеятельность вызывая принуждением, он строил правомерный порядок на общем бесправии, и потому в его правомерном государстве рядом с властью и законом не оказалось всеоживляющего элемента, свободного лица, гражданина.

Петру не удалось укрепить свою идею государства в народном сознании, а после него она погасла и в правительственных умах. Законным преемникам Петра, его внуку и дочери, была недоступна его государственная идея. Остальные смены приносили на престол нечаянных властителей, даже инородцев, которые не могли видеть в России не только своей вотчины, но и своего отечества. Государство замкнулось во дворце. Правительства, охранявшие власть даже не как династическое достояние, а просто как захват, которого не умели

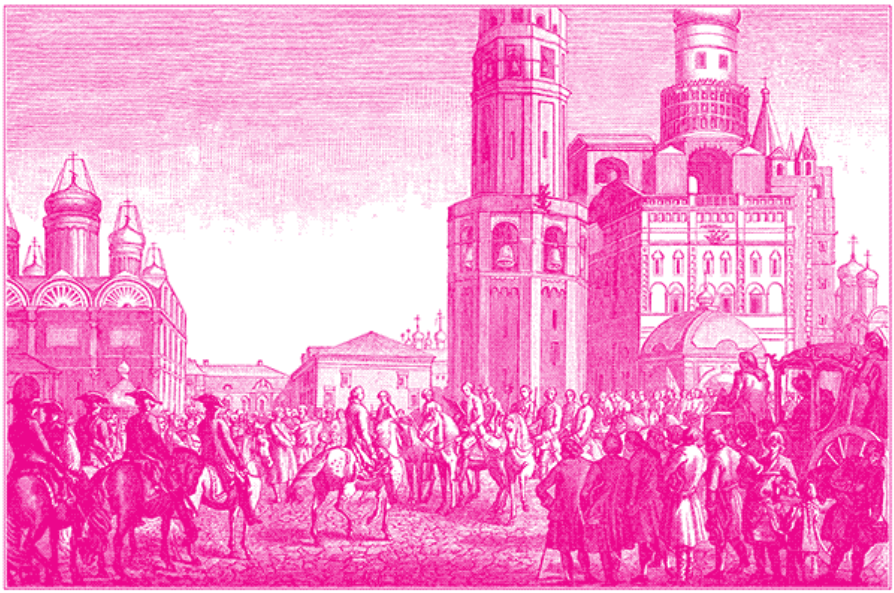
оправдать перед народом, нуждались не в народной, а в военно-полицейской опоре.

Но мутная волна дворцовых переворотов, фаворов и опал своим прибоем постепенно наносила вокруг престола нечто похожее на правящий класс с пестрым социальным составом, но с однофасонным складом понятий и нравов. Это была только новая формация военно-служилого класса, давно действовавшего при дворе московских государей-вотчинников под командой бояр. В опричнине Грозного этот класс получил яркую политическую окраску – как полицейский охранный корпус, направленный против боярской и земской крамолы. В XVII в. верхний слой его, столичное дворянство, поглощая в себя остатки боярства, становился на его место в управлении, а при Петре Великом, преобразованный в гвардию и приправленный дозой иностранцев, сверх того предназначался стать проводником западной культуры и военной техники. Государство не скупилось на вознаграждение дворянства за его административные и военные заслуги, увеличивало податное бремя народа на содержание дворян, роздало им огромное количество государственных земель и даже закрепостило за ними до двух третей сельского населения.

Наконец, после Петра дворянство во всем своем составе через гвардию делает случайные правительства, освобождается от обязательной службы и с новыми правами становится господствующим сословием, держащим в своих руках и управление, и народное хозяйство. Так формировалось это сословие из века в век, перелицовываясь по нуждам государства и по воспринимаемым попутно влияниям. К моменту воцарения Екатерины II оно составило народ в политическом смысле слова, и при его содействии дворцовое государство преемников Петра Первого получило вид государства сословно-дворянского. Правовое народное государство было еще впереди и не близко.

Основной факт эпохи. Манифест Екатерины II от 6 июля 1762 г. возвестил о новой силе, имевшей впредь направлять государственную жизнь России. Доселе единственным двигателем этой жизни, признанным в единственном основном законе империи, в уставе Петра Великого о престолонаследии, была всевластная воля государя, личное усмотрение. Екатерина объявила в манифесте, что самодержавное самовластие само по себе, без случайной, необязательной узды добрых и человеколюбивых качеств есть зло, пагубное для государства. Торжественно были обещаны законы, которые указывали бы всем государственным учреждениям пределы их деятельности. Как проводилось в государственную жизнь возвещенное начало законности, – в этом интерес царствования Екатерины II и ее

преемников; как случилось, что именно Екатерине II пришлось возвестить это начало, – в этом интерес ее личности, ее судьбы и характера.



Коронование Екатерины II. Объявление глашатаями народу о торжестве коронования.

С гравюры Калпашникова, сделанной с картины де Велли

Происхождение. Июньский переворот 1762 г. сделал Екатерину II самодержавной русской императрицей. С самого начала XVIII в. носителями верховной власти у нас были люди, либо необычайные, как Петр Великий, либо случайные. Таковы были его преемники и преемницы, даже те из них, кого назначала на престол в силу закона Петра I, предыдущая случайность, как было с ребенком Иваном VI и с Петром III. Екатерина II замыкает собою ряд этих исключительных явлений нашего во всем не упорядоченного XVIII в.: она была последней случайностью на русском престоле и провела продолжительное и необычайное царствование, создала целую эпоху в нашей истории. Далее пойдут уже царствования по законному порядку и в духе установившегося обычая.

Вид Штеттинского замка, в котором родилась Екатерина II

Екатерина по матери принадлежала к Голштейн-Готторпскому княжескому роду, одному из многочисленных княжеских родов Северной Германии, а по отцу – к другому тамошнему же и еще более мелкому владетельному роду – Ангальт-Цербстскому. Отец Екатерины, Христиан Август из Цербст-Горнбургской линии Ангальтского дома, подобно многим своим соседям, мелким северогерманским князьям, состоял на службе у прусского короля. Он был полковым командиром, комендантом, а потом губернатором города Штеттина. Неудачно баллотировался в курляндские герцоги и кончил свою экстерриториальную службу прусским фельдмаршалом, возведенный в это звание по протекции русской императрицы Елизаветы.

В Штеттине и родилась у него (21 апреля 1729 г.) дочь Софья Августа, наша Екатерина. Таким образом, эта принцесса соединяла в своем лице два мелких княжеских дома Северо-Западной Германии. Эта Северо-Западная Германия представляла в XVIII в. любопытный во многих отношениях уголок Европы. Здесь средневековый немецкий феодализм донашивал тогда сам себя, свои последние династические регалии и генеалогические предания. С бесконечными фамильными делениями и подразделениями, принцами Брауншвейг-Люнебургскими и Брауншвейг-Вольфенбюттельскими, Саксен-Гомбургскими, Саксен-Кобургскими, Саксен-Готскими и Саксен-Кобург-Готскими, Мекленбург-Шверинскими и Мекленбург-Стрелицкими, Шлезвиг-Голштейнскими, Голштейн-Готторпскими и Готторп-Эйтинскими, Ангальт-Дессаускими, Ангальт-Цербстскими и Цербст-

Дорнбургскими, – это был запоздалый феодальный муравейник, суетливый и в большинстве бедный, донельзя переродившийся и перессорившийся, копошившийся в тесной обстановке со скудным бюджетом и с воображением, охотно улетавшим за пределы тесного родного гнезда. В этом кругу все жило надеждами на счастливый случай, расчетами на родственные связи и заграничные конъюнктуры, на желанные сплетения неожиданных обстоятельств. Потому здесь всегда сберегались в потребном запасе маленькие женихи, которые искали больших невест, и бедные невесты, тосковавшие по богатым женихам, наконец, наследники и наследницы, дожидавшиеся вакантных престолов. Понятно, такие вкусы воспитывали политических космополитов, которые думали не о родине, а о карьере и для которых родина была везде, где удавалась карьера. Здесь жить в чужих людях было фамильным промыслом, служить при чужом дворе и наследовать чужое – династическим заветом.

Вот почему этот мелкокняжеский мирок получил в XVIII в. немаловажное международное значение: отсюда не раз выходили маленькие принцы, игравшие иногда крупные роли в судьбах больших европейских держав, в том числе и России. Мекленбург, Брауншвейг, Голштиния, Ангальт-Цербст поочередно высылали и к нам таких политических странников-чужедомов в виде принцев, принцесс и простых служак на жалованье. Благодаря тому что одна из дочерей Петра Великого вышла за герцога Голштинского, этот дом получил значение и в нашей истории.

Родичи Екатерины по матери, прямые и боковые, с самого начала XVIII в. либо служили на чужбине, либо путем браков искали престолов на стороне. Дед ее (по боковой линии) Фридрих Карл, женатый на сестре Карла XII Шведского, в начале Северной войны сложил голову в одном бою, сражаясь в войсках своего шурина. Один ее двоюродный дядя, сын этого Фридриха Карла, герцог Карл Фридрих женился на старшей дочери Петра I Анне и имел неудачные виды на шведский престол. Зато сына его, Карла Петра Ульриха, родившегося в 1728 г. и рождением своим похоронившего мать, шведы в 1742 г., при окончании неудачной войны с Россией, избрали в наследники шведского престола, чтобы этой любезностью задобрить его тетку, русскую императрицу, и смягчить условия мира; но Елизавета уже перехватила племянника для своего престола, а вместо него навязала шведам не без ущерба для русских интересов другого голштинского принца – Адольфа Фридриха, родного дядю Екатерины, которого русское правительство прежде проводило уже в герцоги Курляндские.

Другой родной дядя Екатерины из Голштинских – Карл – был

объявлен женихом самой Елизаветы, когда она была еще цесаревной, и только скорая смерть принца помешала ему стать ее мужем. Ввиду таких фамильных случаев, один старый каноник в Брауншвейге мог, не напрягая своего пророческого дара, сказать матери Екатерины: «На лбу вашей дочери я вижу по крайней мере три короны». Мир уже привыкал видеть в мелком немецком княжье головы, которых ждали чужие короны, остававшиеся без своих голов.

Екатерина родилась в скромной обстановке прусского генерала из мелких немецких князей и росла резвой, шаловливой, даже бедовой девочкой, любившей попроказить над старшими, особенно надзирательницами, щегольнуть отвагой перед мальчиками и умевшей не смигнуть, когда трусила. Родители не отягощали ее своими воспитательными заботами. Отец ее был усердный служака, а мать, Иоанна Елизавета, – неуживчивая и непоседная женщина, которую так и тянуло на ссору и кляузу, ходячая интрига, воплощенное приключение; ей было везде хорошо, только не дома. На своем веку она исколесила чуть не всю Европу, побывала в любой столице, служила Фридриху Великому по таким дипломатическим делам, за которые стеснялись браться настоящие дипломаты, чем заслужила большой респект у великого короля. И незадолго до воцарения дочери, она умерла в Париже в очень стесненном положении, потому что Фридрих скупо оплачивал услуги своих агентов.

Екатерина могла только благодарить судьбу за то, что мать редко бывала дома. В воспитании детей штеттинская комендантша придерживалась простейших правил, и Екатерина сама потом признавалась, что за всякий промах приучена была ждать материнских пощечин. Ей не исполнилось и 15 лет, когда в нее влюбился один из ее голштинских дядей, состоявший на саксонской, а потом на прусской службе, и даже добился от племянницы согласия выйти за него замуж. Но чисто голштинская встреча благоприятных обстоятельств разрушила эту раннюю идиллию и отвела ангальт-цербстскую принцессу от скромной доли прусской полковницы или генеральши, чтобы оправдать пророчество брауншвейгского каноника, доставив ей не три, а только одну корону, но зато стоившую десяти немецких.

Во-первых, императрица Елизавета, несмотря на позднейшие увлечения своего шаткого сердца, до конца жизни хранила нежную память о своем так рано умершем голштинском женихе. Она и оказывала внимание его племяннице с матерью, посылая им безделки вроде своего портрета, украшенного бриллиантами в 18 тыс. тогдашних рублей (не менее 100 тыс. нынешних). Такие подарки служили семье штеттинского губернатора, а потом

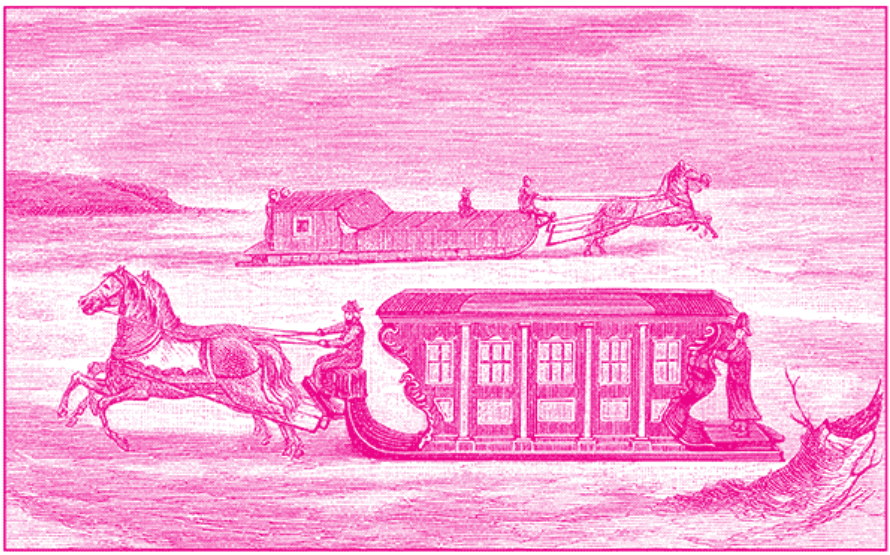
прусского фельдмаршала немалым подспорьем в ненастные дни жизни. А затем Екатерине много помогла ее фамильная незначительность.

В то время Петербургский двор искал невесты для наследника русского престола, и дальновидные петербургские политики советовали Елизавете направить поиски к какому-нибудь скромному владетельному дому, потому что невестка крупного династического происхождения, пожалуй, не будет оказывать должного послушания и почтения императрице и своему мужу. Наконец, в числе сватов, старавшихся пристроить Екатерину в Петербурге, было одно довольно значительное лицо в тогдашней Европе – сам король Прусский Фридрих II. После разбойничьего захвата Силезии у Австрии он нуждался в дружбе Швеции и России, и думал упрочить ее женитьбой наследников обеих этих держав. Елизавете очень хотелось женить своего племянника на прусской принцессе, но Фридриху жаль было расходовать свою сестру на русских варваров, и он наметил ее за шведского наследника упомянутого выше ставленника Елизаветы из Голштинских, Адольфа Фридриха, для подкрепления своей дипломатической агентуры в Стокгольме. А за русского наследника хотел испоместить дочь своего верного фельдмаршала, бывшего штеттинского губернатора, рассчитывая создать из нее тоже надежного агента в столице страшной для него империи. Он сам признается в своих записках с большим самодовольством, что брак Петра и Екатерины – его дело, его идея, что он считал его необходимым для государственных интересов Пруссии и в Екатерине он видел лицо, наиболее пригодное для их обеспечения со стороны Петербурга. Все это и решило выбор Елизаветы, несмотря на то или, скорее, между прочим, потому, что невеста по матери приходилась троюродной сестрой своему жениху.

Елизавета считала голштинскую родню своей семьей и видела в этом браке свое семейное дело. Оставалось успокоить отца, строгого лютеранина старой ортодоксальной школы, не допускавшего мысли о переходе дочери в греческую ересь, но его убедили, что религия у русских почти что лютеранская и даже почитание святых у них не приемлется. Помыслы 14-летней Екатерины шли навстречу тонким расчетам великого короля. В ней рано проснулся фамильный инстинкт: по ее признанию, уже с 7 лет у нее в голове начала бродить мысль о короне, разумеется чужой, а когда принц Петр Голштинский стал наследником русского престола, она «во глубине души предназначала себя ему», потому что считала эту партию самой значительной из всех возможных; позднее она откровенно признается в своих записках,

что, по приезде в Россию, русская корона ей больше нравилась, чем особа ее жениха. Когда (в январе 1744 г.) из Петербурга пришло к матери в Цербст приглашение немедленно ехать с дочерью в Россию, Екатерина уговорила родителей решиться на эту поездку. Мать даже обиделась за своего влюбленного брата, которому Екатерина уже дала слово. «А мой брат Георг, что он скажет?» – укоризненно спросила мать. «Он только может желать моего счастья», – отвечала дочь, покраснев.

И вот, окутанные глубокой тайной, под чужим именем, точно собравшись на недоброе дело, мать с дочерью спешно пустились в Россию и в феврале представились в Москве Елизавете. Весь политический мир Европы дался диву, узнав о таком выборе русской императрицы. Тотчас по приезде к Екатерине приставили учителей закона Божия, русского языка и танцев – это были три основные предмета высшего образования при национально-православном и танцевальном дворе Елизаветы.



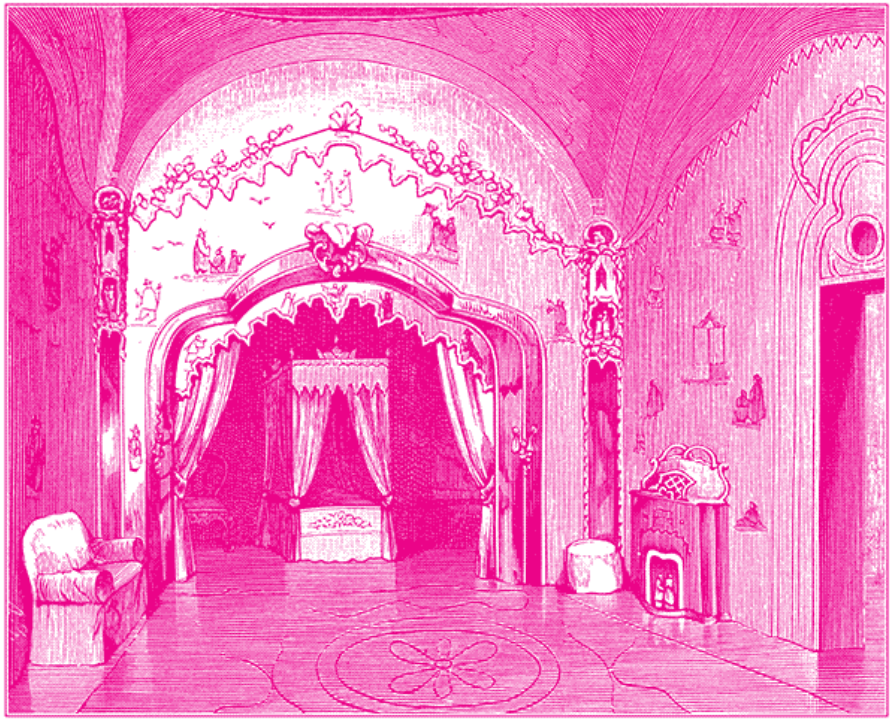
Придворные дорожные экипажи екатерининского времени

Еще не освоившись с русским языком, заучив всего несколько расхожих фраз, Екатерина затвердила, «как попугай», составленное для нее исповедание веры и, месяцев через пять по приезде в Россию, при обряде присоединения к православию произнесла это исповедание в дворцовой церкви внятно и громко, нигде не запнувшись; ей дано было православное имя Екатерины Алексеевны в честь матери-императрицы. Это было первое торжественное ее выступление на придворной сцене, вызвавшее общее одобрение и даже слезы умиления у зрителей, но сама она,

по замечанию иноземного посла, не проронила слезинки и держалась настоящей героиней. Императрица пожаловала новообращенной аграф и складень бриллиантовый в несколько сот тысяч рублей. На другой день, 29 июня 1744 г., чету обручили, а в августе 1745 г. обвенчали, отпраздновав свадьбу 10-дневными торжествами, перед которыми померкли сказки Востока.

Двор Елизаветы. Екатерина приехала в Россию совсем бедной невестой. Она сама потом признавалась, что привезла с собой всего дюжину сорочек, да три-четыре платья, и то сшитые на вексель, присланный из Петербурга на путевые издержки; у нее не было даже постельного белья. Этого было очень мало, чтобы жить прилично при русском дворе, где во время одного дворцового пожара у Елизаветы сгорела только частица ее гардероба – до 4 тыс. платьев. Свои дворцовые наблюдения и впечатления тех лет Екатерина вспоминала потом с самодовольным спокойствием человека, издалека оглядывающегося на пройденную грязную дорогу.

Дворец представлял не то маскарад с переодеванием, не то игорный дом. Дамы меняли костюмы по два, по три раза в день, императрица – даже до пяти раз, почти никогда не надевая два раза одного и того же платья. С утра до вечера шла азартная игра на крупные суммы среди сплетен, подпольных интриг, пересудов, наушничества и флирта, флирта без конца. По вечерам сама императрица принимала деятельное участие в игре. Карты спасали придворное общежитие: другого общего примиряющего интереса не было у этих людей, которые, ежедневно встречаясь во дворце, сердечно ненавидели друг друга. Говорить прилично между собою им было не о чем. Показать свой ум они умели только во взаимном злословии. Заводить речь о науке, искусстве или о чем-либо подобном остерегались, будучи круглыми невеждами; половина этого общества, по словам Екатерины, наверное, еле умела читать и едва ли треть умела писать. Это была мундирная придворная лакейская, нравами и понятиями мало отличавшаяся от ливрейной, несмотря на присутствие в ее среде громких старофамильных имен, титулованных и простых.



Спальня Екатерины II в Ораниенбаумском дворце

Когда играл фаворит граф А. Разумовский, сам держа банк и нарочно проигрывая, чтобы поддержать славу тороватого барина, статс-дамы и другие придворные крали у него деньги; действительный тайный советник и президент Вотчинной коллегии, министр своего рода князь Одоевский однажды тысячи полторы в шляпе перетаскал, отдавая краденые деньги в сенях своему слуге. С этими сановниками и поступали, как с лакеями. Жена самого бойкого государственного дельца при Елизавете – графа П. И. Шувалова – служила молебны, когда ее муж возвращался с охоты того же Разумовского не высеченный добродушным фаворитом, который бывал буен, когда напивался.

Екатерина рассказывает, что раз на празднике в Ораниенбауме Петр III на глазах у дипломатического корпуса и сотни русских гостей высек своих любимцев: шталмейстера Нарышкина, генерал-лейтенанта Мельгунова и тайного советника Волкова. Полоумный самодержец поступал со своими сановными фаворитами, как пьяный фаворит умной самодержицы мог поступить с любым придворным сановником. Тон придворной жизни давала сама императрица. Символизируя размеры и богатство своей империи, она являлась на публичных выходах в огромных фижмах и усыпанная брильянтами, ездила к Троице молиться во всех русских орденах, тогда существовавших. В

будничном обиходе дворца царили неряшество и каприз; ни порядок придворной жизни, ни комнаты, ни выходы дворца не были устроены толково и уютно; случалось, навстречу иноземному послу, являвшемуся во дворец на аудиенцию, выносили всякий сор из внутренних покоев. Придворные дамы во всем должны были подражать императрице, но ни в чем не превосходить ее. Осмелившиеся родиться красивее ее и одеться изящнее, неминуемо шли на ее гнев. За эти качества она раз при всем дворе срезала ножницами «прелестное украшение из лент» на голове у обер-егермейстерши Нарышкиной. Раз ей понадобилось обрить свои белокурые волосы, которые она красила в черный цвет. Сейчас приказ всем придворным дамам обрить головы. С плачем расставались они со своими прическами, заменяя их безобразными черными париками. А то однажды, раздраженная неладами своих четырех фаворитов, она, в первый день Пасхи, разбранила всех своих 40 горничных, дала нагоняй певчим и священнику, испортила всем пасхальное настроение. Любя веселье, она хотела, чтобы окружающие развлекали ее веселым говором, но беда – обмолвиться при ней, хотя одним словом, о болезнях, покойниках, прусском короле, Вольтере, красивых женщинах, науках, и все большею частью осторожно молчали. Елизавета с досадой бросала на стол салфетку и уходила.

Положение Екатерины при дворе. Екатерина ехала в Россию с мечтой о короне, а не о семейном счастье. Но, в первое время по приезде, она поддалась было иллюзии счастливого будущего: ей казалось, что великий князь любит ее даже страстно. Императрица говорила, что любит ее почти больше, чем великого князя, осыпала ее ласками и подарками, из которых самые маленькие были в 10–15 тыс. руб.

Но она скоро отрезвилась, почувствовав опасности, какими грозил ей двор, где образ мыслей был, переводя возможно мягче ее выражение, низкий и испорченный (lache et corrompue). Почва затряслась под ее ногами. Раз у Троицы сидят они с женихом на окне и смеются. Вдруг из комнат императрицы выбегает ее лейб-медик Лесток и объявляет молодой чете: «Скоро ваше веселье кончится». Потом, обратившись к Екатерине, он продолжал: «Укладывайте ваши вещи; вы скоро отправитесь в обратный путь домой!» Оказалось, что мать Екатерины перессорилась с придворными, замешалась в интригу французского уполномоченного, маркиза Шетарди, и Елизавета решилась выслать неугомонную губернаторшу с дочерью за границу. Ее потом и выслали, только без дочери. При этой опасности нежданной разлуки жених дал понять невесте, что расстался бы с

нею без сожаления. «Со своей стороны, я, – прибавляет она как бы в отместку, – зная его свойства, и я не пожалела бы его, но к русской короне я не была так равнодушна». Незадолго до свадьбы она раздумалась над своим будущим. Сердце не предвещало ей счастья; замужество сулило ей одни неприятности. «Одно честолюбие меня поддерживало, – добавляет она, припоминая эти дни много после в своих записках, – в глубине души моей было я не знаю, что такое, что ни на минуту не оставляло во мне сомнения, что рано или поздно я добьюсь своего, сделаюсь самодержавной русской императрицей». Это предчувствие помогало ей не замечать или терпеливо переносить многочисленные терния, которыми был усыпан ее жизненный путь.

После свадьбы 16-летняя вещая мечтательница вступила в продолжительную школу испытаний. Серо и черство началась ее семейная жизнь с 17-летним вечным недорослком. Впрочем, самые тяжкие уроки шли не со стороны мужа. С ним она еще кое-как, с грехом пополам уживалась. Он играл в свои куклы и солдаты, наделав глупостей, обращался за советом к жене, и та выручала его, выдавал с головой в ее затруднениях. То принимался обучать ее ружейным приемам и ставить на караул, то ругал ее, когда проигрывал ей в карты. Он поверял ей свои амурные делишки с ее фрейлинами и горничными, нисколько не интересовался ее мыслями и чувствами и предоставлял ей заниматься вдоволь своими слезами и книгами. Так изо дня в день, через длинный ряд лет, тянулась супружеская жизнь, в которой царило полное равнодушие друг к другу, чуть не дружеское взаимное безучастие супругов, не имевших ничего общего, даже обоюдной ненависти. Хотя они жили под одной кровлей и носили звание жены и мужа – не самый высокий, зато довольно привычный сорт семейного счастья в тех кругах.

Настоящей тиранкой Екатерины была «дорогая тетушка». Елизавета держала ее, как дикую птицу в клетке, не позволяла ей выходить без спросу на прогулку, даже сходить в баню и переставить мебель в своих комнатах, иметь чернила и перья. Окружающие не смели говорить с ней вполголоса; к родителям она могла посылать только письма, составленные в Коллегии иностранных дел; следили за каждым ее шагом, каждое слово подслушивалось и переносилось императрице с наговорами и вымыслами; сквозь замочные скважины подсматривали, что она делает одна в своих комнатах. Люди из прислуги, которым она оказывала доверие или внимание, тотчас изгонялись из дворца. Раз, по оскорбительному доносу, ее заставили говеть в неурочное время только для того, чтобы через духовника выяснить ее

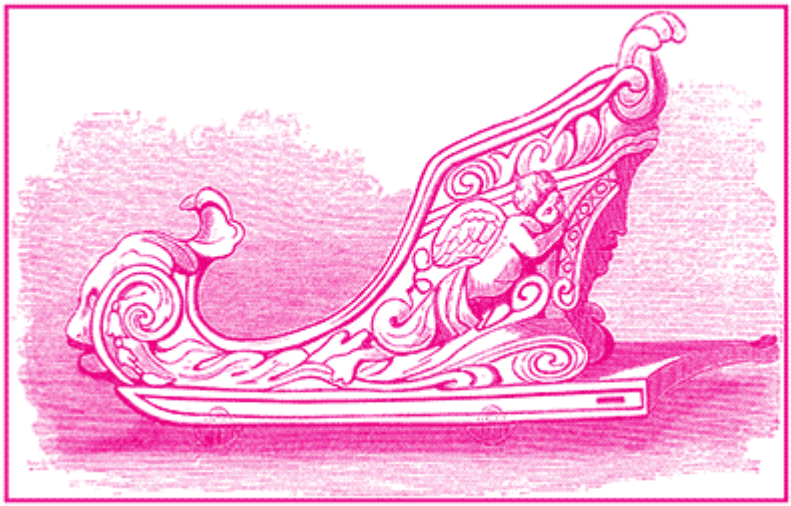
отношения к красивому лакею, с которым она обменялась несколькими словами через залу в присутствии рабочих. И чтобы живее дать ей почувствовать, что для набожного двора нет ничего святого, именем императрицы ей запретили долго плакать по умершем отце на том основании, что он не был королем: не велика-де потеря.

До поздних лет Екатерина не могла без сердечного возмущения вспомнить о таком бессердечии. Ласки и безумно щедрые подарки чередовались с более частыми грубыми выговорами, которые были тем обиднее, что нередко пересылались через лакеев; делая это лично, Елизавета доходила до исступления, грозившего побоями. «Не проходило дня, – пишет Екатерина, – чтобы меня не бранили и не ябедничали на меня». После одной из непристойных сцен, когда Елизавета наговорила «тысячу гнусностей», Екатерина поддалась было ужасному порыву: вошедшая к ней горничная застала ее с большим ножом в руке, который, к счастью, оказался так туп, что не одолел даже корсета.

Образ действий Екатерины. Это был минутный упадок духа перед невзгодами жизни. Но Екатерина явилась в Россию со значительной подготовкой ко всяким житейским невзгодам. В ранней молодости она многое видела. Родившись в Штеттине, она подолгу живала на попечении бабушки в Гамбурге, бывала в Брауншвейге, Киле и самом Берлине, где видела двор прусского короля. Все это помогло ей собрать обильный запас наблюдений и опытов, развило в ней житейскую сноровку, привычку распознавать людей, будило размышление. Может быть, эта житейская наблюдательность и вдумчивость при ее природной живости была причиной и ее ранней зрелости: в 14 лет она казалась уже взрослой девушкой, поражала всех высоким ростом и развитостью не по летам. Екатерина получила воспитание, которое рано освободило ее от излишних предрассудков, мешающих житейским успехам.

В то время Германия была наводнена французскими гугенотами, бежавшими из отечества после отмены Нантского эдикта Людовиком XIV. Эти эмигранты принадлежали большею частью к трудолюбивому французскому мещанству; они скоро захватили в свои руки городские ремесла в Германии и начинали овладевать воспитанием детей в высших кругах немецкого общества. Екатерину обучали закону Божию и другим предметам французский придворный проповедник патер Перар, ревностный служитель Папы, лютеранские пасторы Дове и Вагнер, которые презирали Папу, школьный учитель-кальвинист Лоран, который презирал и Лютера, и Папу. Когда же она приехала в Петербург,

наставником ее в греко-российской вере назначен был православный архимандрит Симон Тодорский, который со своим богословским образованием, довершенным в немецком университете, мог только равнодушно относиться и к Папе, и Лютеру, и Кальвину, всем вероисповедным делителям единой христианской истины. Можно понять, какой разнообразный запас религиозных миросозерцаний и житейских взглядов можно было набрать при столь энциклопедическом подборе вероучителей.



Катальная колясочка екатерининского времени.
С гравюры первой половины XIX в.

Это разнообразие, сливавшееся в бойкой 15-летней голове в хаотическое религиозное безразличие, очень пригодилось Екатерине, когда в ней, заброшенной к Петербургскому двору ангальт-цербст-голштинской судьбой и собственным честолюбием, по ее словам, среди непрерывных огорчений «только надежда или виды не на небесный венец, а именно на венец земной поддерживали дух и мужество». Для осуществления этих видов понадобились все наличные средства, какими ссудили ее природа и воспитание, и какие она приобрела собственными усилиями. В детстве ей твердили, и она сама знала с семи лет, что она очень некрасива, даже совсем дурнушка, но знала и то, что она очень умна. Поэтому недочеты наружности предстояло восполнять усиленной разработкой духовных качеств. Цель, с какой она ехала в Россию, дала своеобразное направление этой работе. Она решила, что для осуществления честолюбивой мечты, глубоко запавшей в ее душу, ей необходимо всем нравиться, прежде всего – мужу, императрице и народу. Эта задача сложилась уже в ее 15-летней голове в целый план, о котором она говорит приподнятым тоном, не без религиозного одушевления,

как об одном из важнейших дел своей жизни, совершавшемся не без воли Провидения.

План составлялся, по ее признанию, без чьего-либо участия, был плодом ее ума и души и никогда не выходил у нее из виду: «Все, что я ни делала, всегда клонилось к этому, и вся моя жизнь была изысканием средств, как этого достигнуть». Для этого она не щадила ни своего ума, ни сердца, пуская в оборот все средства от искренней привязанности до простой угодливости. Задача облегчалась тем, что она хотела нравиться надобным людям независимо как от их достоинств, так и от своего внутреннего к ним отношения. Умные и добрые были благодарны ей за то, что она их понимает и ценит, а злые и глупые с удовольствием замечали, что она считает их добрыми и умными. Тех и других она заставляла думать о ней лучше, чем она думала о них. Руководясь такой тактикой, она обращалась со всеми как можно лучше, старалась снискать себе расположение всех вообще, больших и малых, или, по крайней мере, смягчить неприязнь людей, к ней не расположенных, поставила себе за правило думать, что она во всех нуждается, не держалась никакой партии, ни во что не вмешивалась, всегда показывала веселый вид, была предупредительна, внимательна и вежлива со всеми, никому не давая предпочтения, оказывала великую почтительность матушке, которой не любила, беспредельную покорность императрице, над которой смеялась, отличное внимание к мужу, которого презирала, – «одним словом, всеми средствами старалась снискать расположение публики», к которой одинаково причисляла и матушку, и императрицу, и мужа.

Л. *Ревон.* **Портрет великой княгини Екатерины Алексеевны, будущей императрицы Екатерины II**

Поставив себе за правило нравиться людям, с какими ей приходилось жить, она усваивала их образ действий, манеры, нравы и ничем не пренебрегала, чтобы хорошенько освоиться с обществом, в которое втолкнула ее судьба. Она вся превратилась, по ее словам, в зрителя, весьма страдательного, весьма скромного и даже видимо равнодушного, между тем прибегала к расспросам прислуги, обоими ушами слушала россказни словоохотливой камер-фрау, знавшей соблазнительную хронику всех придворных русских фамилий со времен Петра Великого и даже раньше, запаслась от нее множеством анекдотов, весьма пригодившихся ей для познания окружавшего ее общества, наконец, не брезгала даже подслушиванием. Во время продолжительной и тяжкой болезни, вскоре по приезде в Россию, Екатерина привыкла лежать

с закрытыми глазами. Думая, что она спит, приставленные к ней придворные женщины, не стесняясь, делились друг с другом россказнями, из которых она, не разрушая их заблуждения, узнавала много такого, чего никогда не узнала бы без такой уловки.

«Я хотела быть русской, чтобы русские меня любили». По усвоенному ею способу нравиться, это значило и жить по-русски, т. е. как жили толкавшиеся перед ней русские придворные. В первое время, по ее словам, она «с головой окунулась» во все дрязги двора, где игра и туалет наполняли день, стала много заботиться о нарядах, вникать в придворные сплетни, азартно играть и сильно проигрываться. Наконец, заметив, что при дворе все любят подарки – от последнего лакея до великого князя-наследника, – принялась сорить деньги направо и налево. Стоило кому похвалить при ней что-нибудь, ей казалось уже стыдно этого не подарить. Назначенных ей на личные расходы 30 тыс. руб. не хватало, и она входила в долги, за что получала обидные выговоры от императрицы. Она занимала десятки тысяч даже с помощью английского посла, что уже было близко к политическому подкупу, и к концу жизни Елизаветы довела свой кредит до такого истощения, что не на что стало сшить платья к Рождеству. К тому времени по ее смете, не считая принятых ею на себя долгов матери, она задолжала свыше полумиллиона – не менее 3 1/2 млн руб. на наши деньги, – «страшная сумма, которую я выплатила по частям лишь по восшествии своем на престол». Она прилагала свое правило и к другой хорошо подмеченной ею особенности елизаветинского двора, где религиозное чувство сполна разменялось на церковные повинности, исполняемые за страх или из приличия, подчас не без чувствительности, но и без всякого беспокойства для совести.

С самого прибытия в Россию она прилежно изучала обряды Русской церкви, строго держала посты, много и усердно молилась, особенно при людях, даже иногда превосходя в этом желания набожной Елизаветы, но страшно сердя тем своего мужа. В первый год замужества Екатерина говела на первой неделе Великого поста. Императрица выразила желание, чтобы она попостилась и вторую неделю. Екатерина ответила ей просьбой, позволить ей есть постное все семь недель. Не раз заставали ее перед образами с молитвенником в руках.

Занятия. Как ни была она гибка, как ни гнулась под русские придворные нравы и вкусы, окружающие чувствовали и давали ей понять, что она им не ко двору, не их поля ягода. Ни придворные развлечения, ни осторожное кокетство с придворными кавалерами, ни долгие остановки перед зеркалом, ни

целодневная езда верхом, ни летние охотничьи блуждания с ружьем на плече по прибрежьям под Петергофом или Ораниенбаумом не заглушали чувства скуки и одиночества, просыпавшегося в ней в минуты раздумья. Покинуть родину для далекой страны, где надеялась найти второе отечество, и очутиться среди людей одичалых и враждебных, где слова по душе сказать не с кем и никого не приручишь никакой уживчивостью, – в таком положении минутами меркла светлая мечта честолюбия, которая завела ее в такую нелюдимую пустыню. В первое время Екатерина много плакала втихомолку. Но всегда готовая к борьбе и самообороне, она не хотела сдаваться и из уныния сделала средство самовоспитания, духовного закала. Всего больше боялась она показаться жалкой, беззащитной жертвой. Выходки императрицы возмущали ее как человека; пренебрежение со стороны мужа оскорбляло ее как жену и как женщину; самолюбие ее страдало, но из гордости она не показывала своих страдании, не жаловалась на свое унижение, чтобы не стать предметом обидного сострадания. Наедине она обливалась слезами, но тотчас тихонько утирала глаза и с веселым лицом выбегала к своим фрейлинам.

Настоящую, надежную союзницу в борьбе со скукой Екатерина встретила в книге. Но она не сразу нашла свою литературу. В Германии и в первое время по приезде в Россию она не обнаруживала особой охоты к чтению. Незадолго до свадьбы один образованный и уважаемый ею иностранец, опасаясь тлетворного влияния русского двора на ее ум, посоветовал ей читать серьезные книги, между прочим, «Жизнь Цицерона» и Монтескье «О причинах величия и упадка Римской республики». С большим трудом [она] достала эти книги в Петербурге, но прочла две страницы о Цицероне, потом принялась за Монтескье, который заставил ее задуматься, но, не будучи в состоянии читать последовательно, она стала зевать и, сказав, «вот хорошая книга», бросила ее, чтобы вернуться к нарядам.

Однако невыносимо бестолковая жизнь, какую устроила своей племяннице Елизавета, пошлая компания (linsipite compagnie), какой окружена была Екатерина, бессмысленные разговоры, которые она каждый день вокруг себя слышала, научили ее читать внимательнее, сделали для нее книгу убежищем от тоски и скуки. После свадьбы она, по ее словам, только и делала, что читала. «Никогда без книги и никогда без горя, но всегда без развлечений» – так очерчивает Екатерина свое тогдашнее времяпровождение. В шутливой эпитафии, которую она написала себе самой в 1778 г., она признается, что в течение

18 лет скуки и уединения (замужество) она имела достаточно времени, чтобы прочитать много книг. Сначала она без разбора читала романы. Потом ей попались под руку сочинения Вольтера, которые произвели решительный перелом в выборе ее чтения. Она не могла от них оторваться и не хотела, прибавляет она в письме к самому Вольтеру, читать ничего, что «не было так же хорошо написано и из чего нельзя было бы извлечь столько пользы».

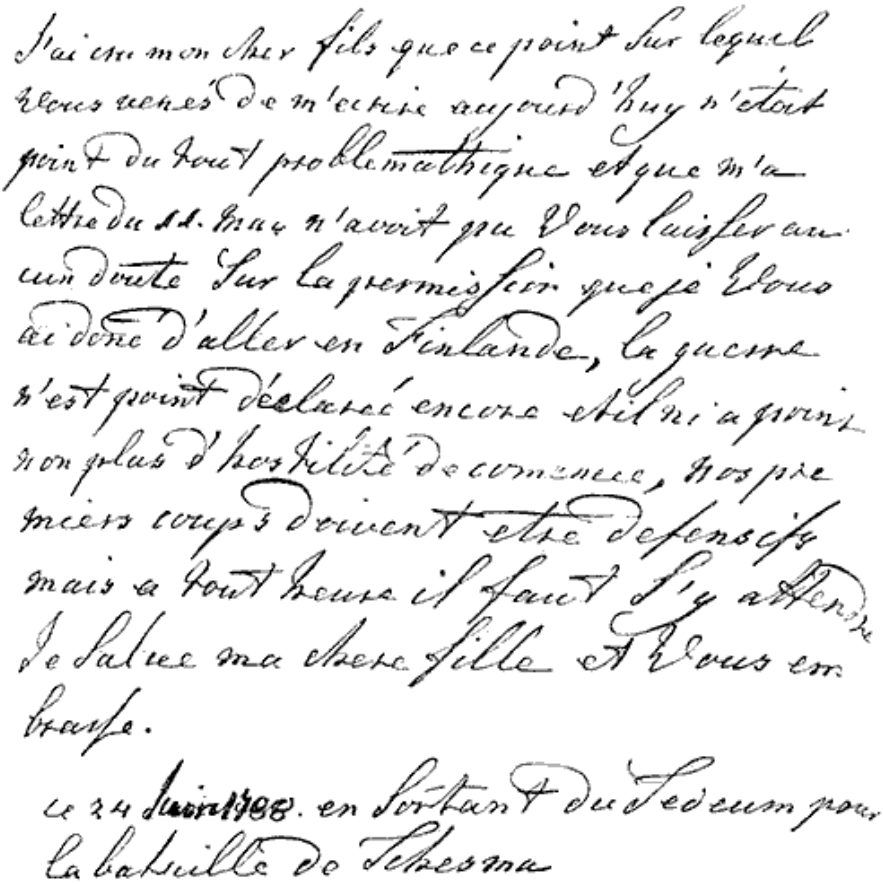
Но чтение не было для нее только развлечением. Потом она принимается за историю Германии, изданную в 1748 г. французским каноником Барром в 10 тяжеловесных томах, усидчиво прочитывая по одному тому в 8 дней, столь же регулярно изучает огромный, в четырех объемистых томах, философский словарь Бейля, прочитывая по тому в полгода. Трудно даже представить себе, как она справлялась с этим словарем, продираясь сквозь чащу ученых цитат, богословских и философских учений, не все в них понимая, и как производила в своей голове логическое размещение познаний, извлекаемых из источника в алфавитном беспорядке.

В то же время она прочитала множество русских книг, какие могла достать, не пугаясь очень трудных по неуклюжему изложению. Екатерина превращала свой спорт в регулярную работу, а работу любила доводить до крайнего напряжения сил. Она терпеливо коротала долгие часы в своей комнате за Барром или Бейлем, как летом в Ораниенбауме по целым утрам блуждала с ружьем на плече или по 13 часов в сутки скакала верхом. Ее не пугало переутомление. Словно она пробовала себя, делала смотр своим силам, физическим и умственным; ее как будто занимало в чтении не столько содержание читаемого, сколько упражнение внимания, гимнастика ума. И она изощрила свое внимание, расширила емкость своей мысли, без труда прочитала даже «Дух законов» Монтескье, вышедший в том же 1748 г., не швырнула его, зевая, со словами, что это «хорошая книга», как прежде поступила она с другой книгой того же писателя. А «Анналы» Тацита своей глубокой политической печалью произвели даже необыкновенный переворот в ее голове, заставив видеть многие вещи в черном свете и углубляться в интересы, которыми движутся явления, проносящиеся перед глазами.

Испытания и успехи. Но Екатерина не могла корпеть над своими учеными книгами спокойной академической отшельницей. Придворная политика, от которой ее ревниво и грубо отталкивали, задевала ее за живое, била прямо по чувству личной безопасности. Ее выписали из Германии с единственной целью добыть для русского престола запасного наследника на

всякий случай, при физической и духовной неблагонадежности штатного. Долго, целых 9 лет, не могла она исполнить этого поручения и за такое замедление потерпела немало горестей.

Впрочем, и рождение великого князя Павла (20 сентября 1754 г.) не заслужило ей приличного с ней обращения. Напротив, с ней стали поступать, как с человеком, исполнившим заказанное дело и ни на что более не нужным. Новорожденного как государственную собственность тотчас отобрали от матери и впервые показали ей только спустя 40 дней. Больную, заливавшуюся слезами и стонавшую, бросили одну без призора, в дурном помещении между дверьми и плохо затворявшимися окнами, не переменяли ей белья, не давали пить. В это время великий князь на радостях пил со своей компанией, едва повернувшись у жены, чтобы сказать ей, что ему некогда с ней оставаться. Императрица подарила Екатерине 100 тыс. руб. за рождение сына. «А мне, зачем ничего не дали?» – сказал страшно рассерженный Петр. Елизавета велела и ему дать столько же. Но в кабинете не оказалось ни копейки, и секретарь кабинета, ради бога, выпросил у Екатерины взаймы пожалованные ей деньги, чтобы передать их великому князю.



Факсимиле письма Екатерины II к великому князю Павлу Петровичу, написанного по-французски

Она старалась укрепить свое шаткое положение, всеми мерами и с заслуженным успехом приобретая сочувствие в обществе. Она хорошо говорила и даже порядочно писала по-русски; господствовавшая при дворе безграмотность извиняла ее промахи в синтаксисе и особенно в орфографии, где она в слове из трех букв делала четыре ошибки («исчо» – еще). В ней замечали большие познания о Русском государстве, какие редко встречались тогда среди придворного и правительственного невежества. По словам Екатерины, она, наконец, добилась того, что на нее стали смотреть, как на интересную и очень неглупую молодую особу. А иноземные послы, незадолго до Семилетней войны, писали про Екатерину, что теперь ее не только любят, но и боятся, и многие, даже те, кто находится в лучших отношениях к императрице, все-таки ищут случая под рукой угодить и великой княгине.

Граф А. П. Бестужев-Рюмин. Общественное мнение в России

и тогда, как всегда, было плохой опорой всякого политического положения. Екатерина искала более надежного союзника. Чрезвычайно пронырливый и подозрительный, непоколебимый в своих мнениях, упорный, деспотичный и мстительный, неуживчивый и часто мелочный, как характеризует его Екатерина, канцлер граф А. П. Бестужев-Рюмин резко выделялся из толпы придворных ничтожеств, какими окружала себя Елизавета. Заграничный выученик Петра Великого, много лет занимавший дипломатические посты за границей, Бестужев-Рюмин хорошо знал отношения европейских кабинетов. Потом – креатура Бирона в Кабинете министров императрицы Анны, присужденный к четвертованию, но помилованный после падения регента и из ссылки призванный к делам императрицей Елизаветой, он приобрел мастерство держаться при Петербургском дворе, в среде, лишенной всякой нравственной и политической устойчивости. Ум его, весь сотканный из придворных каверз и дипломатических конъюнктур, привык додумывать каждую мысль до конца, каждую интригу доплетать до последнего узла, всевозможных последствий. Раз составив мнение, он проводил его во что бы ни стало, ничего не жалея и никого не щадя. Он решил, что захватчивый король Прусский опасен для России, и не хотел идти ни на какие сделки с разбойничьим государством, каким тогда слыла в Европе Пруссия. Он и Екатерину встретил враждебно, видя в ней прусского агента.

Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин.
С гравированного портрета Бернигерота, написанного в 1755 г.

И этому врагу, от которого она ждала себе всякого зла, она первая протянула руку, подхваченную с недипломатической доверчивостью. И они стали друзьями, как люди, молчаливо понявшие друг друга и умевшие вовремя забыть, чего не следовало помнить, приберегая, однако, за пазухой камень друг против друга. Их сблизили общие враги и опасности. С императрицей начались болезненные припадки. В случае ее смерти, при императоре Петре III, настоящем прусском агенте,

Бестужеву грозила ссылка из-за Пруссии, Екатерине – развод и монастырь из-за Воронцовой. Личные и партийные вражды усугубляли опасность. В женские царствования XVIII в. фавориты заместили роль прежних цариц, приводивших ко двору свою родню, которая и мутила придворную жизнь. У дряхлевшей Елизаветы явился новейший молодой фаворит И. И. Шувалов, который поднял придворный курс своей фамилии с ее приверженцами. Они увеличили число врагов страшного и ненавистного канцлера, которыми и без того был полон двор; они стали недругами и Екатерины за ее дружбу с Бестужевым.

Оба друга насторожились и стали готовиться. Бестужев сочинил и сообщил Екатерине план, по которому она, в случае смерти Елизаветы, провозглашалась соправительницей своего мужа, а канцлер, оставаясь руководителем внешней политики, становился во главе гвардейских полков и всего военного управления, сухопутного и морского. Но соправительство с мужем обещало Екатерине быть не более удачным, чем было супружество. Она хотела полной, а не долевой власти, решилась, по ее словам, царствовать или погибнуть. «Или умру, или буду царствовать», – писала она своим друзьям. Она стала запасаться средствами и сторонниками, выпросила взаймы на подарки и подкупы 10 тыс. фунтов стерлингов у английского короля, обязавшись честным словом действовать в общих англо-русских интересах. Она стала помышлять о привлечении гвардии к делу в случае смерти Елизаветы, вступила в тайное соглашение об этом с гетманом К. Разумовским, командиром одного из гвардейских полков. Она вмешивалась исподтишка, при участии канцлера, в текущие политические дела.

Но Семилетняя война налетела вихрем на обоих заговорщиков; канцлер повалился. Екатерина удержалась на ногах. Бестужев-Рюмин привык соединять в своей вражде Пруссию и Францию, дружа Англии, а английская пенсия в 12 тыс. руб., подкрепляя 7-тысячный русский канцлерский оклад, подогревала его неостывавшее убеждение в единстве интересов России и Англии. Теперь международные отношения перевернулись: Франция очутилась на стороне врагов Пруссии, а Англия дружила Фридриху II. Бестужев не умел извернуться; Шуваловы подорвали доверие к нему Елизаветы, и в феврале 1758 г. он был арестован. Он и Екатерина успели сжечь опасные бумаги; но следствие вскрыло их секретные сношения, ее переписку с главнокомандующим русской армией, действовавшей против Фридриха, строго воспрещенное вмешательство в политику. Императрица была страшно раздражена. В обществе пошли толки, будто Екатерину собираются выслать из России.

«Надобно раздавить змею», – шептали Петру враги Екатерины. Придворные боялись говорить с ней, как опальной.

Непристойная выходка великого князя сделала ее положение еще более щекотливым. Около того времени она опять готовилась стать матерью. Шальной супруг по этому поводу высказал окружающим свое крайнее недоумение. Екатерина выпрямилась во весь свой рост и приготовилась к самообороне. На угрозу высылкой она отвечала встречным ходом, написала императрице по-русски решительное письмо с просьбой отпустить ее домой в Германию, так как жить в России, среди ненависти мужа и немилости императрицы, стало для нее невыносимо. Елизавета обещала поговорить с ней; но разговор заставил ждать себя томительно долго. Екатерина измучилась и исплакалась, похудела, наконец, сказалась больной и потребовала духовника. Встревоженный гофмаршал граф А. Шувалов привел докторов, но она объявила им, что, умирая, нуждается в духовной помощи, что душа ее в опасности, а телу врачи уж больше не нужны. Дубянский, духовник ее и императрицы, выслушав ее подробный рассказ о своем положении, мигом устроил дело. Через день, уже за полночь, Екатерину позвали. Фаворит советовал ей для успеха оказать императрице хоть маленькую покорность. Екатерина пошла и на большую. Она бросилась на колени перед Елизаветой и не встала, когда та попыталась поднять ее. «Вы хотите, чтобы я отпустила вас к родным? – сказала Елизавета со слезами на глазах, – но у вас дети». – «Они в ваших руках, и лучше для них ничего не может быть». – «Но как объяснить обществу эту высылку?» – возразила Елизавета. – «Ваше величество объявите, если найдете удобным, чем я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великого князя». – «А чем вы будете жить у своих родных?» – «Чем жила перед тем, как вы удостоили взять меня сюда». Елизавета была сбита с позиции и, вторично велев Екатерине встать, в раздумье отошла в сторону, чтобы сообразить, что делать дальше. Вспомнив, что она пришла распекать великую княгиню, она принялась упрекать ее во вмешательстве не в свои дела, политику, попрекнула ее чрезмерной гордостью, напомнила, как четыре года назад она не хотела поклониться ей, императрице, как следует, и прибавила: «Вы воображаете, что никого нет умнее вас». Екатерина отвечала на все отчетливо и почтительно, а на последний упрек возразила, что если бы она так думала о себе, то не допустила бы себя до настоящего глупого положения. Во все это время великий князь поодаль шептался с графом Шуваловым. Уверенный, что Екатерине не выздороветь, он на радостях в этот самый день дал своей Воронцовой слово жениться на ней, как только овдовеет.

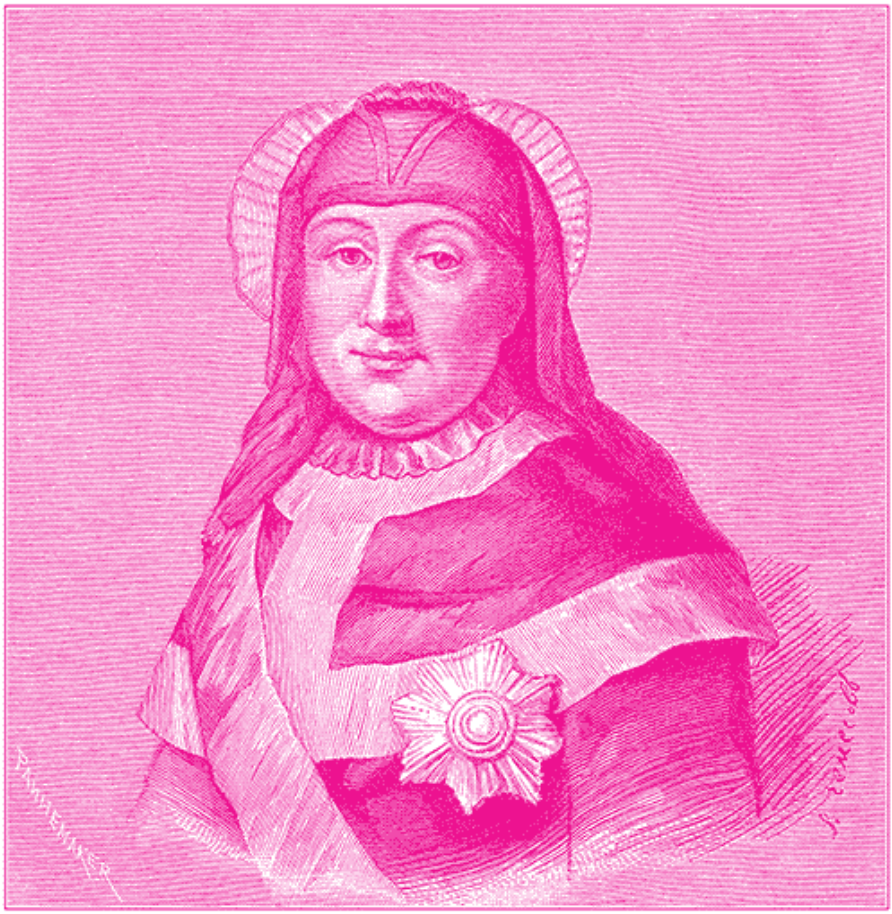
Теперь, вовлеченный в разговор, в досаде, что Екатерина вовсе не собирается умирать, он набросился на нее. Та отвечала твердо и сдержанно на его озлобленные и нелепые речи. Ходя взад и вперед по комнате, Елизавета все более смягчалась и, подошедши к Екатерине, доброжелательно вполголоса сказала ей: «У меня еще много о чем говорить с вами», и при этом дала ей понять, что не хочет говорить при свидетелях. «Я также не могу говорить, как ни сильно хочется мне открыть вам мое сердце и душу», – поспешила сказать Екатерина чуть слышно. Задушевный шепот дошел по назначению, тронул Елизавету; у нее навернулись слезы, и, чтобы скрыть свое волнение, «она отпустила нас» под предлогом позднего часа.

Так описывает сама Екатерина этот полуторачасовой томительный разговор. Две захватчицы престола сцепились, и будущая одолела. Ее же потом упрашивали не делать того, чем ей грозили, отказаться от мысли о возвращении в отечество, сильно-де печалившей императрицу и всех честных людей. Впечатление, вынесенное из разговора, Елизавета выразила окружающим в отзыве, что племянник ее – дурак, а великая княгиня очень умна.

При императоре Петре III. Так Екатерина с бою взяла свое положение и к концу царствования Елизаветы настолько его упрочила, что благополучно прошла сквозь все придворные превратности. Умея уступить печальным обстоятельствам, она примирилась с незавидным положением молодой брошенной жены, даже извлекла из этого положения свои выгоды. Супружеский раздор помог разъединению политической судьбы супругов: жена пошла своей дорогой.

Под конец жизни Елизавета совсем опустилась. Ежедневные занятия ее, по словам Екатерины, сделались сплошною цепью капризов, ханжества и распущенности. Нервы ее, развинченные мелкими раздражениями зависти и тщеславия, не давали ей покоя; ее мучила боязнь, как бы и ее не постигла участь, какую она сама устроила Анне Леопольдовне. Женщина без твердых правил и без всякого серьезного дела, но настолько умная, чтобы понимать нелепость своего положения, она впала в безысходную скуку, от которой спасалась только тем, что спала, сколько было возможно. В таком состоянии она могла уступить настойчивому представлению приближенных о необходимости изменить престолонаследие. При дворе одни думали о шестилетнем цесаревиче Павле с удалением из России обоих его родителей, другие хотели выслать только отца, видя в матери опору порядка; те и другие с тревогой ждали смерти Елизаветы, ничего не чая от ее племянника для России, кроме бедствий. В самой Елизавете эта тревога доходила минутами до ужаса, но, отвыкнув думать о

чем-либо серьезно, она колебалась, а фавориты не внушили ей решимости.



Екатерина II в траурном одеянии по императрице Елизавете Петровне.

Гравюра с рисунка Чемесова

Воцарился Петр III. С первых же дней его царствования с Екатериной стали обращаться презрительно. Но роль жертвы была уже ей знакома; французский посол Бретейль в своих депешах вел дневник ее исполнения. В начале апреля 1762 г. он писал: «Императрица старается вооружиться философией, хотя это и противно ее характеру». В другой депеше он сообщает: «Люди, видающие императрицу, говорят, что она неузнаваема, чахнет и, вероятно, скоро сойдет в могилу». Но она не сошла в могилу, но все время твердым, хотя и неслышным шагом шла по намеченному пути, подкрадываясь к престолу. Весь Петербург, приходя во дворец поклониться праху Елизаветы, видел Екатерину в глубоком трауре благоговейно стоящей у гроба

покойной. При погребении она усерднее всех исполняла похоронные обряды Русской церкви; и духовенство и народ были этим очень тронуты, и тем больше крепло их доверие к ней среди усиливавшегося ропота на безумства императора. По словам того же посла, она строго соблюдала все праздники и посты, все, к чему император относился так легкомысленно и к чему русские так неравнодушны. Тот же посол, вопреки апрельскому пророчеству о скорой смерти императрицы, в начале июня должен был написать, что императрица обнаруживает мужество, ее любят и уважают все в такой же степени, в какой ненавидят императора. Так воспользовалась Екатерина общим недовольством, особенно в гвардии, и со своими сообщниками произвела переворот, положивший конец шестимесячному царствованию Петра III.

Характер. Она родилась в неприветливой доле и рано спозналась с лишениями и тревогами, неразлучными с необеспеченным положением. Но из родной обстановки, бедной и тесной, судьба в ранней молодости бросала ее на широкие и шумные политические сцены, где действовали крупные люди и делались крупные дела. Здесь Екатерина видела много славы и власти, обилие блеска и богатства, встречала людей, которые всем рисковали для приобретения этого, подобно Фридриху II, видела и людей, которые путем риска добивались всего этого, подобно императрице Елизавете. Виденные примеры соблазняли, возбуждали аппетит честолюбия, побуждая напрягать все силы в эту сторону, а Екатерина от природы не была лишена качеств, из которых при надлежащей выработке выделываются таланты, необходимые для успеха на таком соблазнительном и скользком поприще.

В. Эриксен. **Екатерина II в Преображенском мундире на коне Бриллианте**

Екатерина выросла с мыслью, что ей самой надобно прокладывать себе дорогу, делать карьеру, вырабатывать качества, необходимые для этого, а замужество доставило ей отличную практику такой работы, не только указало цель ее честолюбию, но и сделало достижение этой цели вопросом личной безопасности. И она умело повела свою работу. С детства ей толковали, что она некрасива, и это рано заставило ее учиться искусству нравиться, искать в душе того, чего недоставало наружности. «Чтобы быть чем-нибудь на свете, – писала она, припоминая свои детские думы, – надобно иметь нужные для того качества; заглянем-ка хорошенько внутрь себя, имеются ли у нас такие качества, а если их нет, то разовьем их». И она открывала или развивала в себе свойства высокой житейской ценности,

отчетливое знание своего духовного инвентаря, самообладание без сухости, живость без возбуждения, гибкость без вертлявости, решительность без опрометчивости. Ее трудно было застать врасплох; она всегда была в полном сборе; частый смотр держал ее силы наготове, в состоянии мобилизации, и в житейских столкновениях она легко направляла их против людей и обстоятельств.

В обращении она пускала в ход бесподобное умение слушать, терпеливо и внимательно выслушивать всякий вздор, угадывать настроение, робкие или не находившие слов мысли собеседника и шла им на подмогу. Это подкупало, внушало доверие, располагало к откровенности; собеседник чувствовал себя легко и непринужденно, словно разговаривал сам с собой. К тому же, наперекор обычной наклонности людей замечать чужие слабости, чтобы пользоваться ими во вред другим, Екатерина предпочитала изучать сильные стороны других, которые при случае можно обратить в свою пользу, и умела указать их самому обладателю. Люди вообще не любят чужих поисков в своей душе, но не сердятся, даже бывают тронуты, когда в них открывают достоинства, особенно малозаметные для них самих. В этом умении дать человеку почувствовать, что есть в нем лучшего, – тайна неотразимого обаяния, какое, по словам испытавшей его на себе княгини Дашковой, Екатерина производила на тех, кому хотела нравиться, а она хотела нравиться всем и всегда, считая это своим ремеслом.

Усвоенная ею манера обхождения с людьми сослужила ей неоценимую службу в правительственной деятельности. Она обладала в высокой степени искусством, которое принято называть даром внушения, умела не приказывать, а подсказывать свои желания, которые во внушаемом уме незаметно перерождались в его собственные идеи и тем усерднее исполнялись. Наблюдательное обращение с людьми научило ее узнавать их коньки, и, посадив такого дельца на его конька, она предоставляла ему бежать, как мальчику верхом на палочке, и он бежал и бежал, усердно подстегивая самого себя. Она умела чужое самолюбие делать орудием своего честолюбия, чужую слабость обращать в свою силу. Своим обхождением она облагообразила жизнь русского двора, в прежние царствования походившего не то на цыганский табор, не то на увеселительное место. Заведен был порядок времяпровождения; не требовались строгие нравы, но обязательны были приличные манеры и пристойное поведение. Вежливая простота обхождения самой Екатерины даже с дворцовыми слугами была совершенным новшеством после обычной грубости прежнего времени. Только

под старость она стала слабеть, капризничать и прикрикивать, впрочем, всегда извиняясь перед обиженным с признанием, что становится нетерпеливой.

Как с людьми, точно так же поступала она и с обстоятельствами. Она старалась примениться ко всякой обстановке, в какую попадала, как бы она ни была противна ее вкусам и правилам. «Я, как Алкивиад, уживусь и в Спарте, и в Афинах», – говаривала она, любя сравнивать себя с героями древности. Но это, значит, поступаться своими местными привязанностями, даже нравственными убеждениями. Так что же? Она ведь была эмигрантка, добровольно променявшая природное отечество на политическое, чужбину, избранную поприщем деятельности. Любовь к отечеству была для нее воспоминанием детства, а не текущим чувством, не постоянным мотивом жизни. Ее происхождение мелкой принцессы Северной Германии, гибкость ее природы, наконец, дух века помогли ей отрешиться от территориального патриотизма. Из ангальт-цербстского лукошка ей было нетрудно подняться на космополитическую точку зрения, на которую садилась тогдашняя философская мысль Европы, а Екатерина сама признавалась, что «свободна от предрассудков, и от природы ума философского». При всем том она была слишком конкретный человек, слишком живо чувствовала свои реальные аппетиты, чтобы витать в заоблачной космополитической пустыне, довольствуясь голодной идеей всечеловечества. Ее манила земная даль, а не небесная высь. Оправдываясь в усвоении образа жизни русского двора, о котором она отзывалась как нельзя хуже, она писала в записках, что ставила себе за правило нравиться людям, с какими ей приходилось жить. Необходимость жить с людьми не по выбору заставила ее с помощью философского анализа пополнить это правило, чтобы спасти хоть тень нравственной независимости: среди чужих и противных людей жить по-ихнему, но думать по-своему.

Для Екатерины жить смолоду значило работать, а так как ее житейская цель состояла в том, чтобы уговорить людей помочь ей выбиться из ее темной доли, то ее житейской работой стала обработка людей и обстоятельств. По самому свойству этой работы она в других нуждалась гораздо больше, чем другие нуждались в ней. Притом судьба заставила ее долго вращаться среди людей, более сильных, но менее дальновидных, которые вспоминали о ней только тогда, когда она им надобилась. Потому она рано усвоила себе мысль, что лучшее средство пользоваться обстоятельствами и людьми – это плыть до времени по течению первых и служить не слепым, но послушным орудием в руках вторых. Она не раз отдавалась в чужие руки, но только для того,

чтобы ее донесли до желаемого ею места, до которого она не могла сама добраться. В этом житейском правиле – источник сильных и слабых свойств ее характера и деятельности. Применяясь к людям, чтобы приручить их, она и с их стороны ждала взаимности, расположения стать ручными. Людей упрямых, с неподатливым характером или готовых идти напролом она не любила; они и не подходили к ней или уходили от нее, так что ее победы над чужими душами облегчались нечувствительным для нее подбором субъектов. С другой стороны, она была способна к напряжению, усиленному, даже непосильному труду и потому себе и другим казалась сильнее самой себя. Но она больше привыкла работать над своими манерами и над способом обращения с людьми, чем над самой собой, своими чувствами и побуждениями; потому ее манеры и обращение с людьми были лучше ее чувств и побуждений. В ее мышлении было больше гибкости и восприимчивости, чем глубины и вдумчивости, больше выправки, чем творчества.

Недостаток нравственного внимания и самодеятельной мысли сбивали Екатерину с правильного пути развития, на который она была поставлена своей счастливой природой. Она рано поняла, что познание людей каждый должен начинать с самого себя. Екатерина принадлежала к числу довольно редких людей, умеющих взглянуть на себя со стороны, как говорится, объективно, как на любопытного прохожего. Она подмечала в себе слабости и недостатки с каким-то самодовольством, не прикрашивая их, называя настоящими именами, без малейшего угрызения совести, без всякого позыва к сожалению или раскаянию. Будучи 15 лет, она написала наскоро для одного образованного иностранца свой философский портрет. Спустя 13 лет она перечитала это свое изображение «философа в 15 лет» и была поражена, что в таком возрасте так уже хорошо знала все изгибы и тайники своей души. Это удивление и было каплей искусительного яда, попавшей в ее самопознание. Она не сводила глаз с любопытного прохожего, и на ее глазах он вырастал в обаятельный образ; природная гордость и закал души среди горестей делали для него невыносимой мысль быть несчастным; он являлся рыцарем чести и благородства и даже начинал перерождаться из женщины в мужчину. Екатерина пишет про себя в записках, что у нее ум и характер, «несравненно более мужской, чем женский», хотя при ней оставались все приятные качества женщины, достойной любви. Древо самопознания без достаточно нравственного удобрения дало нездоровый плод – самомнение.

В сочинениях Екатерины отразились и разнообразные интересы, и увлечения ее возбужденной мысли. Немка по

рождению, француженка по любимому языку и воспитанию, она занимает видное место в ряду русских писателей XVIII в. У нее были две страсти, с летами превратившиеся в привычки или ежедневные потребности, – читать и писать. В свою жизнь она прочитала необъятное количество книг. Уже в преклонные лета она признавалась своему секретарю Храповицкому, что читала книг по шести вдруг. Начитанность возбуждала ее литературную производительность. Она много писала по-французски и даже по-русски, хотя с ошибками, над которыми подшучивала. Обойтись без книги и пера ей было так же трудно, как Петру I без топора и токарного станка. Она признавалась, что не понимает, как можно провести день, «не измарав хотя одного листа бумаги». Недавно наша Академия наук издала ее сочинения в 12 объемистых томах. Она писала в самых разнообразных родах: детские нравоучительные сказки, педагогические инструкции, политические памфлеты, драматические пьесы, автобиографические записки, сотрудничала в журналах, переводила из Плутарха жизнь Алкивиада и даже составила «Житие Преподобного Сергия Радонежского». Когда у нее появились внуки, она принялась для них за русские летописи, заказывала выписки и справки профессору Чеботареву, графу Мусину-Пушкину и другим лицам и составила удобочитаемые записки по русской истории в частях с синхронистическими и генеалогическими таблицами. «Вы все твердите мне, что я пройдоха, – писала она Гримму, – а я вам скажу, что стала настоящей архивной крысой».

Летний дворец в Петербурге в XVIII в. *С гравюры Махаева. XVIII в.*

Ее сочинения не обнаруживают самобытного таланта. Но она была очень переимчива и так легко усвояла чужую идею, что присвояла ее себе. У нее то и дело слышны отзвуки и перепевы мадам Севинье, Вольтера, Монтескье, Мольера и т. п. Это особенно заметно в ее французских письмах, до которых она была большая охотница. Ее переписка с Вольтером и заграничным агентом бароном Гриммом – это целые тома. Она превосходно усвоила стиль и манеру своих образцов, современных французских писателей, особенно их изящное и остроумное балагурство. Содержание очень разнообразно, но тон везде одинаков, видимо непринужденный и изысканно-игривый, и таким тоном она пишет и о таинстве Евхаристии, и о политике, и о своем дворе, и о нездоровье комнатной собачки. В письмах слова значительно лучше мыслей.

Очень большое место в своей писательской деятельности Екатерина отводила драматургии. Она была главной поставщицей репертуара на театр в своем Эрмитаже, где она собирала избранное общество. Она писала пословицы или водевили, комедии, комические оперы, даже «Исторические представления из жизни Рюрика и Олега, подражание Шекспиру». «Олег» был сыгран на городском театре в Петербурге, по случаю мира с Турцией в Яссах (1791), с необычайной пышностью: на сцену выступало более 700 исполнителей и статистов. Бедный Храповицкий ночи просиживал, переписывая пьесы императрицы и сочиняя арии и куплеты к ее операм и водевилям, – сама Екатерина никак не могла сладить со стихами. В своих пьесах Екатерина изображала шведского короля, мартинистов, своих придворных. Трудно сказать, насколько сама она сказалась в своей драмомании. Правда, в ее характере и образе действий было много драматического движения.

Братья Алексей и Григорий Орловы

От природы веселая, она не могла обойтись без общества и сама признавалась, что любила быть на людях. В своем интимном кругу она была проста, любезна, шутлива, и все чувствовали себя около нее весело и непринужденно. Но она преображалась, выходя в приемную залу, принимала сдержанно-величественный вид, выступала медленно, некрупными шагами, встречала представлявшихся стереотипной улыбкой и несколько лукавым взглядом светло-серых глаз. Манера держаться отражалась и на всей деятельности, образуя вместе с ней цельный состав характера. В каком бы обществе ни вращалась Екатерина, что бы она ни делала, она всегда чувствовала себя как бы на сцене и потому слишком много делала напоказ. Задумав дело, она больше думала о том, что скажут про нее, чем о том, что выйдет из задуманного дела; обстановка и впечатление были для нее важнее самого дела и его последствий. Отсюда ее слабость к рекламе, шуму, лести, туманившей ее ясный ум и соблазнявшей ее холодное сердце. Она больше дорожила вниманием современников, чем мнением потомства; за то и ее при жизни ценили выше, чем стали ценить по смерти. Как она сама была вся созданием рассудка без всякого участия сердца, так и в ее деятельности больше эффекта, блеска, чем величия, творчества. Казалось, она желала, чтобы ее самое помнили дольше, чем ее деяния.

Положение на престоле. Вступая на престол, Екатерина поверхностно знала положение дел в империи, свои

правительственные средства и ожидавшие ее затруднения, а между тем она должна была сгладить впечатление переворота, путем которого вступила на престол, оправдать незаконное присвоение власти. В первые минуты по воцарении она не могла удержаться от упоения удачей, осуществившей давнюю мечту, которая в Штеттине или Цербсте могла казаться только ребяческим бредом. Но это упоение отравлялось мыслью о своей непрочности на престоле. Нередко среди придворного общества на нее набегало раздумье, и, при всем умении держать себя, она не могла скрыть своего тревожного настроения. Не все, даже участники переворота, остались им довольны, как недостаточно награжденные. Удача одних кружила головы другим, подстрекала к повторению, поддерживая ропот, а предлог для ропота был налицо.

Екатерина совершила двойной захват: отняла власть у мужа и не передала ее сыну, естественному наследнику отца. В гвардии бродили тревожные для Екатерины толки о возведении на престол Иванушки, как звали бывшего императора Ивана VI, также о том, зачем цесаревич Павел не коронован. В обществе поговаривали даже, что Екатерине для своего упрочения на престоле не мешало бы выйти замуж за бывшего императора. Екатерина виделась с ним вскоре по воцарении и приказала уговаривать его к пострижению в монашество. В гвардии составлялись кружки, «партии», впрочем, не успевавшие сложиться в заговор. Особенно встревожила Екатерину в 1764 г. полоумная попытка замотавшегося армейского подпоручика Мировича освободить Иванушку из Шлиссельбургской крепости и провозгласить императором – попытка, кончившаяся убийством помешавшегося в заточении узника, ужасной жертвы беззаконий, питомником которых был русский престол по смерти Петра I.

Немало хлопот и огорчений причиняли Екатерине и ее пособники, подготовившие и совершившие июньский переворот. Они чувствовали, как много обязана им Екатерина, и, разумеется, хотели пользоваться своим положением. Король Фридрих II был прав, когда много лет спустя говорил ехавшему в Петербург французскому послу Сегюру, что Екатерина была не столько виновницей, сколько орудием переворота. Эта слабая, молодая, одинокая в чужой земле, накануне развода и заточения, она отдалась в руки людей, хотевших ее спасти, и, после переворота, не могла еще ничем управлять.

Эти люди, теперь окружившие Екатерину, с пятерней пожалованных в графы братьев Орловых во главе, и спешили пожинать плоды «великого происшествия», как они называли июньское дело. Это были, по выражению иностранцев, все

закоренелые русаки, поражавшие недостатком образования и в этом отношении стоявшие ниже дельцов елизаветинского времени – Паниных, Шуваловых, Воронцовых. Привыкнув еще во время конспирации обращаться с Екатериной запросто, они не хотели отстать от этой привычки и после переворота.

В минуту смерти императрицы Елизаветы гвардейский капитан, муж княгини Дашковой, прислал сказать Екатерине: «Прикажи, мы тебя возведем на престол». Теперь эти люди готовы были сказать ей: «Мы тебя возвели на престол, так ты наша». Они не довольствовались полученными наградами, тем, что Екатерина раздала им до 18 тыс. душ крестьян и до 200 тыс. руб. (не менее 1 млн на наши деньги) единовременных дач, не считая пожизненных пенсий. Они осаждали императрицу, навязывали ей свои мнения и интересы, иногда прямо просили денег. В разговоре с послом Бретейлем она сравнивала себя с зайцем, которого поднимают и гонят что есть мочи, так донимают ее со всех сторон представлениями, не всегда разумными и честными. Екатерине приходилось ладить с этими людьми. Это было неприятно и неопрятно, но не особенно мудрено. Она пустила в ход свои обычные средства, неподражаемое умение терпеливо выслушивать и ласково отвечать, найтись в затруднительном случае.

В записках княгини Дашковой встречаем образчик искусства, с каким императрица пользовалась этими средствами. На четвертый день после переворота, когда обе дамы беседовали вдвоем, врывается к ним генерал-поручик И. И. Бецкой и, упав на колени, чуть не со слезами умоляет Екатерину сказать, кому она считает себя обязанной престолом. «Богу и избранию моих подданных», – отвечает Екатерина. «Так я не стою этого знака отличия», – восклицает Бецкой и хочет снять с себя Александровскую ленту. «Что это значит?» – спрашивает Екатерина. «Я несчастнейший из смертных, если ваше величество не признаете меня единственным виновником вашего воцарения! Не я ли подбивал к этому гвардейцев? Не я ли бросал деньги в народ?» Сначала смущенная, Екатерина скоро нашлась и сказала: «Я признаю, сколь многим я вам обязана, и так как я вам обязана короной, то кому, как не вам, поручить приготовление короны и всего, что я надену во время коронации? Отдаю в ваше распоряжение всех ювелиров империи». Бецкой вне себя от восторга раскланялся с дамами, которые долго не могли нахохотаться. Екатерине нужно было немного времени и терпения, чтобы ее сторонники успели образумиться и стали к ней в подобающие отношения.

Гораздо труднее было оправдать новое правительство в

глазах народа. Екатерина плохо знала положение этого народа до воцарения и имела очень мало средств узнать его. Русский двор при Елизавете стоял слишком далеко от России не только географически, но еще более нравственно. Вступив на престол, Екатерина скоро поняла, что там совсем неблагополучно: она замечала «признаки великого роптания на образ правления прошедших последних годов»; заводские и монастырские крестьяне почти все были в явном непослушании властей, и к ним начинали присоединяться местами и помещичьи.

В 1763 г. в народе распространился подложный указ Екатерины, проникнутый сильным раздражением против дворянства, «пренебрегающего Божий закон и государственные права, изринувшего и из России вон выгнавшего правду». Далекие от столицы глубокие народные массы не испытывали на себе личного обаяния императрицы, довольствуясь темными слухами да простым фактом, какой можно было выразуметь из всенародных манифестов: был император Петр III, но жена-императрица свергла его и посадила в тюрьму, где он скоро умер. Эти массы, давно находившиеся в состоянии брожения, можно было успокоить только ощутительными для всех мерами справедливости и общей пользы.

Программа. Так Екатерина революционным захватом власти затянула сложный узел разнообразных интересов и ожиданий, указывавших ей направления деятельности. Чтобы сгладить впечатление захвата, Екатерине надобно было стать популярной в широких кругах народа, действуя наперекор предшественнику, поправляя, что было им испорчено. Предшественник ее оскорбил национальное чувство, презирая все русское, выдав Россию головой ее врагу. Екатерина обязана была действовать усиленно в национальном духе, восстановить попранную честь народа.

Прежнее правительство вооружило против себя всех своим бесцельным произволом; новое разумно либеральными мерами должно было упрочить законность в управлении, что и было обещано в июльском манифесте. Но Екатерина была возведена на престол дворянской гвардией, а дворянство не довольствовалось Законом о вольности дворянства, требовало расширения и укрепления своих прав как господствующего сословия. Гвардейско-дворянский голос был, разумеется, самым внушительным для верховной власти, сделанной движением 28 июня. Так популярная деятельность нового правительства должна была одновременно следовать направлению национальному, либеральному и сословно-дворянскому. Легко заметить, что эта тройственная задача страдала несогласимым внутренним противоречием. После закона 18 февраля дворянство стало

поперек всех народных интересов и даже преобразовательных потребностей государства.

Деятельность правительства в духе этого сословия не могла быть ни либеральна, ни национальна, т. е. не могла быть популярна. Притом либеральные реформы в духе идей века не могли найти в органах правительства, служащем классе достаточно ни подготовленных, ни сочувственных проводников и исполнителей: так чужды были эти идеи всем преданиям, понятиям и привычкам русского управления. По соображениям ли гибкой мысли, или по указаниям опыта и наблюдения – Екатерина нашла выход из неудобств своей программы. Не будучи в состоянии согласить противоречивые задачи и не решаясь пожертвовать которой-либо в пользу остальных, она разделила их, каждую проводила в особой сфере правительственной деятельности. Национальные интересы и чувства получили широкий размах во внешней политике, которой был дан полный ход. Предпринята была широкая реформа областного управления и суда по планам тогдашних передовых публицистов Западной Европы, но главным образом с туземной целью занять праздное дворянство и укрепить его положение в государстве и обществе.

Отведена была своя область и либеральным идеям века. На них строилась проектированная система законодательства. Они проводились как принципы в отдельных узаконениях, вводились в ежедневный оборот мнений, допускались, как украшение правительственного делопроизводства и общественной жизни, проводились в частных беседах им пратрицы, великосветских гостиных, литературе и даже школе как образовательное средство. Но деловое содержание текущего законодательства закрепляло туземные факты, сложившиеся еще до Екатерины, или осуществляло желания, заявленные преимущественно тем же дворянством, – факты и желания, совершенно чуждые распространяемым идеям. Тройственная задача развилась в такую практическую программу: строго национальная, смело патриотическая внешняя политика, благодушно-либеральные, возможно гуманные приемы управления, сложные и стройные областные учреждения с участием трех сословий; салонная, литературная и педагогическая пропаганда просветительных идей времени и осторожно, но последовательно консервативное законодательство с особенным вниманием к интересам одного сословия. Основную мысль программы можно выразить так: попустительное распространение идей века и законодательное закрепление фактов места.

Петербург при Екатерине II. Вид набережной Невы и дома князя Г. Г. Орлова

Очередные задачи внешней политики. Теперь сделаем обзор исполнения этой программы и начнем с внешней политики. Внешняя политика – самая блестящая сторона государственной деятельности Екатерины, произведшая наиболее сильное впечатление на современников и ближайшее потомство. Когда хотят сказать самое лучшее, что можно сказать об этом царствовании, говорят о победоносных войнах с Турцией, польских разделах, повелительном голосе Екатерины в международных отношениях Европы.

С другой стороны, внешняя политика была поприщем, на котором Екатерина всего удобнее могла завоевать народное расположение: здесь разрешались вопросы, понятные и сочувственные всему народу; поляк и татарин были для тогдашней Руси самые популярные недруги. Наконец, здесь не нужно было ни придумывать программы, ни искать возбуждений: задачи были готовы, прямо поставлены вековыми указаниями истории и настойчивее других требовали разрешения. Потому наибольшее внимание императрицы было обращено в эту сторону.

После Ништадтского мира, когда Россия твердой ногой стала на Балтийском море, на очереди оставались два вопроса внешней политики, один территориальный, другой национальный. Первый состоял в том, чтобы продвинуть южную границу государства до

его естественных пределов, до северной береговой линии Черного моря с Крымом и Азовским морем и до Кавказского хребта. Это восточный вопрос в тогдашней исторической своей постановке. Потом предстояло довершить политическое объединение русской народности, воссоединив с Россией оторванную от нее западную часть. Это вопрос западнорусский. По самому существу своему оба вопроса имели местное значение, возникли исторически из взаимных отношений соседних государств, притом не имели никакой исторической связи между собою. Потому для успешного их решения их следовало локализовать и разделить, т. е. разрешать без стороннего вмешательства, участия третьих, и разрешать не оба вместе, а тот и другой порознь. Но сплетение международных отношений и неумелость или заносчивость дельцов дали ходу дел иное направление.

Миролюбие. В первое время по воцарении Екатерина, слишком озабоченная упрочением своего шаткого положения, совсем не желала каких-либо осложнений в Европе и разделяла общую жажду покоя. Семилетняя война была на исходе; все участники ее крайне утомились и жестоко истратились. Екатерина не отступилась от мира с Пруссией, заключенного Петром III, отозвала свои войска из завоеванных ими прусских областей, прекратила приготовления к войне с Данией. Первое ознакомление с положением дел в империи также располагало Екатерину вести себя смирно.

При ее вступлении на престол, русская армия в Пруссии восьмой месяц не получала жалованья. На штатс-конторе числилось 17 млн долгу, не исполненных казной уплат, на один миллион больше годовой суммы государственных доходов, какую знал Сенат. Ежегодный дефицит в Семилетнюю войну дошел до 7 млн. Русский кредит пал: императрица Елизавета искала в Голландии занять 2 млн руб., и охотников на этот заем не оказалось. Флот, по словам Екатерины, был в упущении, армия в расстройстве, крепости развалились. Несколько позднее, в 1765 г., Екатерина произвела смотр Балтийскому флоту. Любимое детище Петра Великого предстало перед ней жалким сиротой: корабли наезжали друг на друга, ломали снасти, линейные никак не могли выстроиться в линию, при стрельбе не попадали в цель. Екатерина писала, что это «суда для ловли сельдей, а не военный флот», и признала, что у нас без меры много кораблей и на них людей, но нет ни флота, ни моряков. Откровенно и болтливо признавалась она в 1762 г. послу совсем не дружественной Франции, что ей нужно не менее пяти лет мира, чтобы привести свои дела в порядок, а пока она со всеми государями Европы ведет себя, как искусная кокетка. Но она ошиблась в своих

кавалерах.

Система графа Н. И. Панина. Польские дела до срока свели Екатерину с пути невмешательства. Ждали скорой смерти польского короля Августа III. Возникал обычно мутивший соседей Польши вопрос о новых королевских выборах. Для России было все равно, кто будет ангажирован на придуманную польской историей мольеровскую роль короля республики. По состоянию Речи Посполитой король, враждебный России, был для нее безвреден, дружественный – бесполезен; при том и другом ей одинаково приходилось добиваться своего подкупом и оружием. Но у Екатерины был кандидат, которого она хотела провести во что бы то ни стало. Это был Станислав Понятовский, фат (самодовольный франт, любящий рисоваться. – *Прим. ред.*), рожденный для будуара, а не для какого-либо престола: шага не мог ступить без красивого словца и глупого поступка.

Граф Н.И. Панин

Можно подозревать две главные причины настойчивости Екатерины. Во-первых, Станислав оставил Екатерине очень приятные по себе воспоминания в бытность свою в Петербурге еще при императрице Елизавете. Во-вторых, кандидатурой Станислава Екатерина доставляла себе немалое удовольствие вынудить у Фридриха II письмо с признанием, что присланные

ему астраханские арбузы для него бесконечно дорого получить от руки, раздающей короны. Причины, какие выставлялись открыто, не более уважительны.

Эта кандидатура повлекла за собою вереницу соблазнов и затруднений. Прежде всего, нужно было заготовить сотни тысяч червонных на подкуп торговавших отечеством польских магнатов с примасом, набольшим архиереем во главе. Потом поставить на польской границе 30 тыс. русского войска да держать наготове еще 50 тыс. для поддержания свободы и независимости республики. Наконец, пришлось круто поворотить весь курс внешней политики. До тех пор Россия держалась союза с Австрией, к которой в Семилетнюю войну присоединилась Франция. В первое время по воцарении, еще плохо понимая дела, Екатерина спрашивала мнения своих советников о мире с Пруссией, заключенном при Петре III. Советники не признали этого мира полезным для России и высказались за возобновление союза с Австрией. За это стоял и старый приятель Екатерины, возвращенный ею из ссылки, А. П. Бестужев-Рюмин, мнение которого она тогда особенно ценила. Чуть какое затруднение в делах – к нему идет собственноручная записочка: «Батюшка, Алексей Петрович! Пожалуй, помогай советами». Но около него стал дипломат помоложе, ученик и противник его системы, граф Н. И. Панин, воспитатель великого князя Павла. Он был не только за мир, но прямо за союз с Фридрихом, доказывая, что без его содействия ничего не добиться в Польше. Екатерина некоторое время крепилась: не хотелось ей продолжать ненавистную политику своего предшественника, быть союзницей короля, которого она в июльском манифесте всенародно обозвала злодеем России, но Панин одолел и надолго стал ближайшим сотрудником Екатерины во внешней политике.

Станислав Август Понятовский, король Польский

В это время Екатерина крепко веровала в дипломатические таланты Панина, но потом иногда не соглашалась с его мнениями, бывала недовольна его медлительным умом и нерешительным характером, но пользовалась им, как гибким истолкователем ее видов. Союзный договор с Пруссией был подписан 31 марта 1764 г., когда в Польше, по смерти короля Августа III, шла избирательная агитация. Но этот союз только входил составной частью в задуманную сложную систему международных отношений. Панин был дипломат нового склада, непохожий на Бестужева. Много лет, стоя на трудном посту посла

в Стокгольме, он приобрел познания и навык в дипломатических делах, но с умом не соединял трудолюбия своего учителя. По смерти его Екатерина жаловалась, что довольно помучилась с ним, как с лентяем, в первую турецкую войну. После работящего и практичного до цинизма Бестужева, дипломата мелочных средств и ближайших целей, Панин выступил в дипломатии провозвестником идей, принципов и, как досужий мыслитель, любил при нерешительном образе действий широко задуманные, смелые и сложные планы. Но он не любил изучать подробности их исполнения и условия их исполнимости. Это был дипломат-белоручка, и так как его широкие планы строились на призраке мира и любви между европейскими державами, то, при своем дипломатическом сибаритстве, он был еще и дипломат-идиллик, чувствительный и мечтательный до маниловщины.

Панин и стал проводником небывалой в Европе международной комбинации. Впрочем, не ему принадлежала первая мысль о ней. В 1764 г., незадолго до трактата 31 марта, русский посол в Копенгагене, Корф, представил императрице заявление, нельзя ли на севере образовать сильный союз держав, который можно было бы противопоставить южному, австро-франко-испанскому. Панин живо воспринял и разработал эту мысль. По его проекту северные некатолические государства, впрочем, со включением и католической Польши, соединялись для взаимной поддержки, защиты слабых сильными. Боевое назначение, прямое противодействие южному союзу лежало на главах северного союза, «активных» его членах – России, Пруссии и Англии. От государств второстепенных, «пассивных» членов, каковы Швеция, Дания, Польша, Саксония и другие мелкие государства, имевшие присоединиться к союзу, требовалось только, чтобы они, при столкновениях обоих союзов, не приставали к южному, оставались нейтральными. Это и была нашумевшая в свое время *северная система*.

Легко заметить ее неудобства. Трудно было действовать вместе и дружно государствам, столь разнообразно устроенным, как самодержавная Россия, конституционно-аристократическая Англия, солдатски-монархическая Пруссия и республикански-анархическая Польша. Кроме того, у членов союза было слишком мало общих интересов. Англии не было дела до европейского континента помимо ее торговых и колониальных отношений. Пруссия вовсе не была расположена защищать Саксонию, тянувшую к Австрии, даже хотела захватить ее, как захватила Силезию. Куча пассивных членов союза, опекаемых Англией, Россией и Пруссией, – дипломатическая телега, запряженная щукой, лебедем и раком. Фридрих II встретил план Панина

раздраженными или насмешливыми возражениями, твердил, что для него довольно русского союза, при котором он никого не боится, его никто не тронет и других союзников ему не нужно. Фридрих вообще был невысокого мнения о своем русском стороннике и писал, что у Панина нет верных представлений ни об интересах, ни о политике, ни о степени могущества европейских государей. Панин не мог переубедить короля, Англия также уклонилась от союза, и северная система не облеклась ни в какой международный акт (умерла еще до рождения, не родившись), оставшись простой тенденцией русского кабинета, одним из тех простодушно-русских дипломатических планов, о которых настоящие дипломаты говорят со снисходительной улыбкой.

Путевые впечатления. Вступив на престол, Екатерина хотела видеть народ, страну, столь дурно управляемую, взглянуть на ее жизнь вблизи, прямо, не из дворцовой дали и не по придворным россказням. С этой целью она предприняла в первые годы царствования ряд поездок. В 1763 г. ездила в Ростов и Ярославль, в 1764 г. посетила прибалтийские губернии, в 1765 г. проехала по Ладожскому каналу, который нашла прекрасным, но заброшенным, и, наконец, весной 1767 г. решилась посетить Азию, как она выражалась, т. е. проехать по Волге.

В сопровождении большой свиты (до двух тысяч человек) и всего дипломатического корпуса она села в Твери на барку и спустилась до Симбирска, откуда сухим путем вернулась в Москву. В эту поездку она собрала много поучительных наблюдений. Во-первых, она увидела, какой удобный материал для управления имеет она в своих подданных, как мало нужно сделать для этого народа, чтобы привлечь к себе его расположение: императрицу всюду встречали с неописуемым восторгом. Екатерина писала с дороги, что даже иноплеменников, т. е. иноземных послов, не раз прошибали слезы при виде народной радости, а в Костроме распоряжавшийся экспедицией граф Чернышев весь парадный обед проплакал, растроганный «благочинным и ласковым» обхождением местного дворянства. В Казани готовы были постелить себя вместо ковра под ноги императрицы, «а в одном месте по дороге, – писала Екатерина, – мужики свечи подавали, чтоб предо мною поставить, с чем их прогнали». Это был простонародный волжский ответ парижским философам, величавшим Екатерину «царскосельской Минервой».

Беглые путевые наблюдения могли внушить Екатерине немало правительственных соображений. Она встречала по пути города, «ситуацией прекрасные, а строением мерзкие». Народ по своей культуре был ниже окружающей его природы. «Вот я и в

Азии», – писала Екатерина Вольтеру из Казани. Этот город особенно поразил ее пестротой населения. «Это – особое царство, – писала она, – столько разных объектов, достойных внимания, а идей на 10 лет здесь набрать можно». Симбирск – город, самый жалкий, и все дома конфискованы за недоимки. Народ по Волге показался ей богатым и весьма сытым: все хлеб едят, и никто не жалуется; по городам цены высокие, а в деревнях прошлогодние немолоченые запасы в избытке; крестьяне крепятся продавать хлеб из боязни неурожая.

Преобразовательные начинания. Пока накоплявшиеся наблюдения еще не успели сложиться в цельный преобразовательный план, а внешняя политика не развлекала внимания, Екатерина спешила заштопать наиболее резкие прорехи управления, отмеченные в ее картине. Ввиду крестьянских волнений и толков указ, изданный на шестой день по воцарении, обнадеживал помещиков в ненарушимом обладании их имениями и крестьянами. Отменены были многие откупа и монополии. Для удешевления хлеба временно запрещен его вывоз за границу. Сбавлена казенная цена соли с 50 до 30 коп. за пуд, а для пополнения убыли соляного дохода Екатерина убавила на 300 тыс. руб. свое комнатное содержание в 1 млн, получавшееся из соляного же сбора. При этом императрица заявила Сенату, что, принадлежа сама государству, она считает и все свое его же принадлежностью и впредь не должно быть разницы между нею и его интересом. Сенаторы встали и со слезами на глазах благодарили «за столь благоразумные чувства», – добавляет Екатерина. Установлена была роспись доходов и расходов.

Екатерина настойчиво ограничивала применение пытки и конфискации имений у преступников, но не решалась отменить оба института законом. Издан был строгий манифест против взяточничества; петербургскому населению дано было назидательное зрелище сенатского обер-секретаря, поставленного у позорного столба на площади перед Сенатом с надписью на груди: «Преступник указов и мздоимец».

Введены новые штаты служащих и установлены пенсии; но на покрытие нового расхода повысили цену соли. Кара не миновала и маховика чиновничьей машины, распустившегося Сената: в 1763 г. ему сделан был строгий выговор «за междоусобное несогласие, вражду, ненависть» и партийность. Указание было при случае и на неприличие сенаторам заниматься винными откупами, чем они и с самим генерал-прокурором не брезгали. Окончено было трудное дело секуляризации населенных церковных имений, доставившее казне только в пределах

Великороссии 890 тыс. руб. чистого дохода за штатными расходами на церковные и благотворительные учреждения (указ 26 февраля 1764 г.). Наконец, в 1765 г. составлена была комиссия о государственном межевании, капитальном деле, не удавшемся при императрице Елизавете.

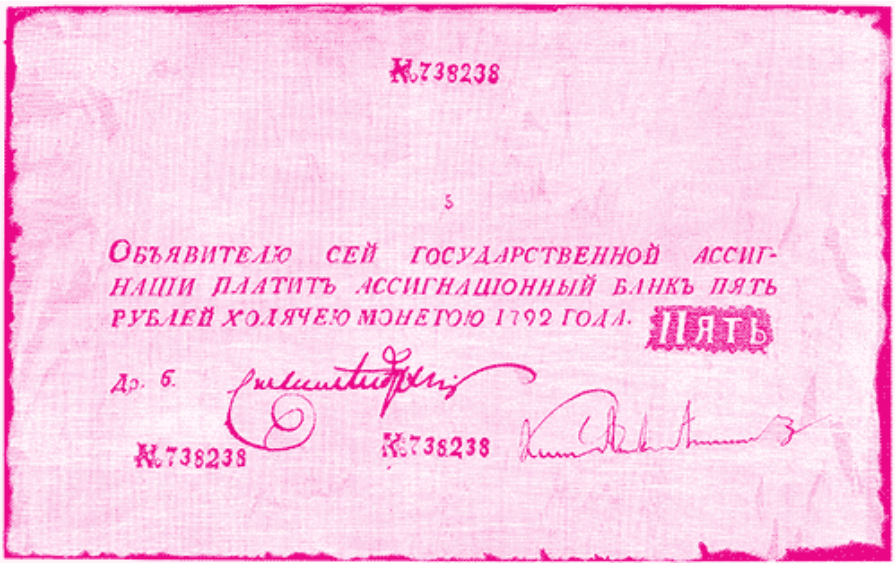
Эти меры первых трех лет должны были произвести благоприятное впечатление и даже практическое действие, облегчить несколько налоговую тяжесть, содействовать общему успокоению, внести некоторое оживление в застоявшееся правящее болото, дать острастку чиновнику, а что было всего важнее для Екатерины – внушить некоторое доверие к ее правительству. Сама она по своей привычке была очень довольна успехом принятых мер.

В одной ранней заметке она пишет, что торговля оживляется, монополии уничтожены, бунтовщики усмирены, работают и платят, правосудие более не продается, законы уважаются и исполняются, все судебные места вернулись к своим обязанностям и т. д.

Обмундирование русских войск в екатерининское время. Гвардейские офицеры

Проект императорского совета. Но все эти меры были только подробности, большею частью почти мелочи. В манифесте 6 июля обещана была общая реформа управления, возвещены государственные установления, которые неуклонно действовали бы в пределах закона. Между тем в центральном управлении

оставался очень заметный пробел: законодательная власть, сосредоточиваясь в одном лице государя, не имела никакого закономерного устроения; не было учреждения, которое воспособляло бы эту работу. Генерал-прокурору Сената принадлежала законодательная инициатива, но только казуальная, когда в пределах распорядительной и судебной компетенции Сената встречалось дело, требовавшее нового закона. Н. И. Панину, редактору июльского манифеста, Екатерина, вскоре по воцарении, поручила составить план недостающего учреждения. Панин представил доклад и проект манифеста об Императорском совете и о преобразовании Сената с разделением его на департаменты. Из этих двух учреждений устроялось новое верховное управление. Панин подвергает жестокой критике елизаветинское правление, в котором «действовала более сила персон, нежели власть мест государственных». Пользуясь домашним кабинетом императрицы, «безгласным и никакого образа государственного не имеющим местом», всеми делами безответственно вертели фавориты, временщики, случайные и шальные люди. Это напоминает Панину «те варварские времена», когда еще не было ни установленного правительства, ни письменных законов. Сколько можно понять тягучее, дипломатически неясное изложение Панина, его Императорский совет, разделенный на четыре департамента со статским секретарем во главе каждого, – чисто совещательное учреждение, нисколько не посягавшее на полноту верховной власти. В него поступают все дела, требующие новых законов, кроме восходящих на высочайшее усмотрение через Сенат, и подлежащими статс-секретарями разрабатываются в законопроекты, которые обсуждаются императорскими советниками и представляются на высочайшее утверждение.



Пятирублевый ассигнационный билет екатерининского времени

Совет – закономерное, гласным законом установленное учреждение с оформленным порядком делопроизводства; всякий новый закон исходит из него за монаршей подписью и контрассигнованный подлежащим статс-секретарем. Однако это не был прежний Верховный тайный совет, который, сливаясь с лицом монарха, становился участником законодательной власти. Сенат оставался независимым от нового Совета верховным учреждением. Совет по проекту манифеста – «то самое место, в котором мы об империи трудимся». Это законодательная мастерская, исполняющая подготовительную работу законодательства по надлежащей форме и порядку, чем бы «добрый государь при его великих трудах ограничивал себя в ошибках, свойственных человечеству». Верховная власть не ограничивалась, а только сдерживалась практически, самой организацией законодательного дела. В проекте Панина неясно и неумело предначертан будущий Государственный совет Сперанского, оказавшийся вполне безопасным политически. Екатерина подписала манифест (28 декабря 1762 г.) и назначила членов Совета, но потом впала в раздумье, кой с кем посоветовалась и похоронила дело.

Угадывая ли тайную мысль Екатерины, или по искреннему холопьему усердию придворного, особенно дальновидно высказался фельдцехмейстер Вильбуа. Он заявил, что законом установленный Совет со временем поднимет до значения соправителя, слишком приблизит подданного к государю и может

породить желание поделить с ним власть. Разум императрицы не нуждается ни в каком Совете, а только для облегчения тяжести восходящих к ней дел нужно разделить ее частный кабинет на департаменты, говоря проще, заменить государственных советников домашними секретарями. Осуществлена была только мысль Панина о разделении Сената на департаменты, но уже по другому проекту (15 декабря 1763 г.). Этим и ограничилась реформа центрального управления. Законодательная функция, оставшись неупорядоченной, пользовалась случайными или временными средствами. По отдельным вопросам Сенату предоставлялись законодательные полномочия или составлялись комиссии, а комиссии о правах дворянства с 1763 г. вместе со многими другими делами поручено было составить новый проект о разделении Сената на департаменты. С начала первой турецкой войны Екатерина стала созывать преимущественно по военным делам Совет, который скоро превратился в постоянный, оставаясь негласным.

Политические идеи. Она хотела вести чисто личную политику, не прикрываемую никаким рядом стоящим, хотя бы только совещательным, но законно оформленным и ответственным учреждением. В ближайшей к себе сфере управления она не допускала и тени права, могущей омрачить блеск ее попечительного самовластия. По ее мысли, задача права – руководить подчиненными органами управления; оно должно действовать, подобно солнечной теплоте в земной атмосфере: чем выше, тем слабее. Власть, не только неограниченная, но и неопределенная, лишенная всякого юридического облика, – это основной факт нашей государственной истории, сложившейся ко времени Екатерины. Она оберегала этот факт места от всяких попыток дать закономерный строй верховному управлению. Но она хотела прикрыть этот туземный факт идеями века. Обработка, какую эти идеи получили в ее уме, давала возможность столь трудного логически применения их. Еще до воцарения, видели мы, она сосредоточила свое прилежное чтение на историко-политической литературе и особенно на литературе просветительного направления. Экзотические поклонники и поклонницы этой литературы воспринимали ее неодинаково. Одни черпали из нее запас отвлеченных начал и радикальных приемов и, трактуя о строении человеческого общества, любили строить его на основаниях, выведенных из чистого разума и не испробованных в исторической действительности, а когда обращались к существующему, действительному обществу, находили его заслуживающим только полной ломки. Другие делали из этой литературы не питательное, а, так сказать,

вкусовое употребление, увлекались ее отвлеченными идеями и смелыми планами не как желательным житейским порядком, а просто как занимательными и пикантными изворотами отважной и досужей мысли.

Екатерина отнеслась к этой литературе осторожнее политических радикалов и серьезнее либеральных вертопрахов. Из этого обильного источника новых идей она старалась извлечь лишь то, что, говоря ее словами, «питало великие душевные качества человека честного, человека великого и героя» и что мешает пошлости помрачать «античный вкус к чести и доблести». Следы такого изучения и размышлений, им навеянных, сохранились в оставшихся после нее записках, выписках и мимолетных заметках на французском или русском языке. «Я желаю, я хочу лишь добра стране, куда Бог меня привел, – пишет она еще до воцарения, – слава страны – моя собственная слава; вот мой принцип; была бы очень счастлива, если бы мои идеи могли этому способствовать. Я хочу, чтобы страна и подданные были богаты, – вот принцип, от которого я отправляюсь. Власть без народного доверия ничего не значит для того, кто хочет быть любимым и славным; этого легко достигнуть: примите за правило ваших действий, ваших уставов благо народа и справедливость, неразлучные друг с другом, – свобода, душа всех вещей! Без тебя все мертво. Я хочу, чтоб повиновались законам, а не рабов; хочу общей цели сделать людей счастливыми, а не каприза, ни странностей, ни жестокости». Как напоминают эти заметки заветные институтские тетрадки дедовских времен, куда вписывались любимые стихотворения и первые девические мечты.

Но «принципы» Екатерины, при всем своем благодушном свободомыслии, имели для нее более деловое, образовательное значение. Они приучали ее размышлять о вопросах государственной и общественной жизни, уяснять себе основные понятия права и общежития; только по складу ли своего ума или по духу читаемой литературы, она придавала своим принципам не совсем обычный смысл. Для нее разум и его спутники – истина, правда, равенство, свобода – не были боевые начала, непримиримо борющиеся за господство над человечеством с преданием и его спутниками – ложью, неправдой, привилегией, рабством, – это такие же элементы общежития, как и их противники, только опрятнее и благороднее их. От создания мира эти благородные начала были в унижении; теперь пришло их господство. Они могут уживаться с началами другого порядка; всякое дело, какова бы ни была его цель, должно для своего успеха усвоить себе эти начала. «Самая грубая ошибка, – писала Екатерина Даламберу, – какую сделал иезуитский орден и какую

только может сделать какое бы то ни было учреждение, – это не основаться на принципах, которых бы не мог опровергнуть никакой разум, ибо истина несокрушима». Эти принципы – хорошее агитационное средство. «Когда правда и разум на нашей стороне, – читаем в одной ее записке, – должно выставлять их на глаза народу, сказать: такая-то причина привела меня к тому-то; разум должен говорить за необходимость, и будьте уверены, что он возьмет верх в глазах толпы».

Уменье соглашать в управлении начала разных порядков и есть политическая мудрость. Она внушала Екатерине замысловатые соображения. «Противно христианской религии и справедливости, – пишет она, – обращать в рабство людей, которые все родятся свободными. В некоторых странах Европы церковный собор освободил всех крестьян; такой переворот теперь в России не был бы средством приобрести любовь землевладельцев, исполненных упрямства и предрассудков. Но вот легкий способ – постановить освобождать крестьян при продаже имений; в 100 лет все или почти все земли меняют владельцев – и вот народ свободный». Или: наша империя нуждается в населении, потому едва ли полезно обращать в христианство инородцев, у которых господствует многоженство. «Хочу установить, чтобы мне из лести говорили правду: даже царедворец пойдет на это, увидев в этом путь к милости». При утилитарном взгляде на принципы с ними возможны сделки. «Я нашла, что в человеческой жизни честность выручала в затруднениях». Несправедливость допустима, если доставляет выгоду; непростительна только бесполезная несправедливость.

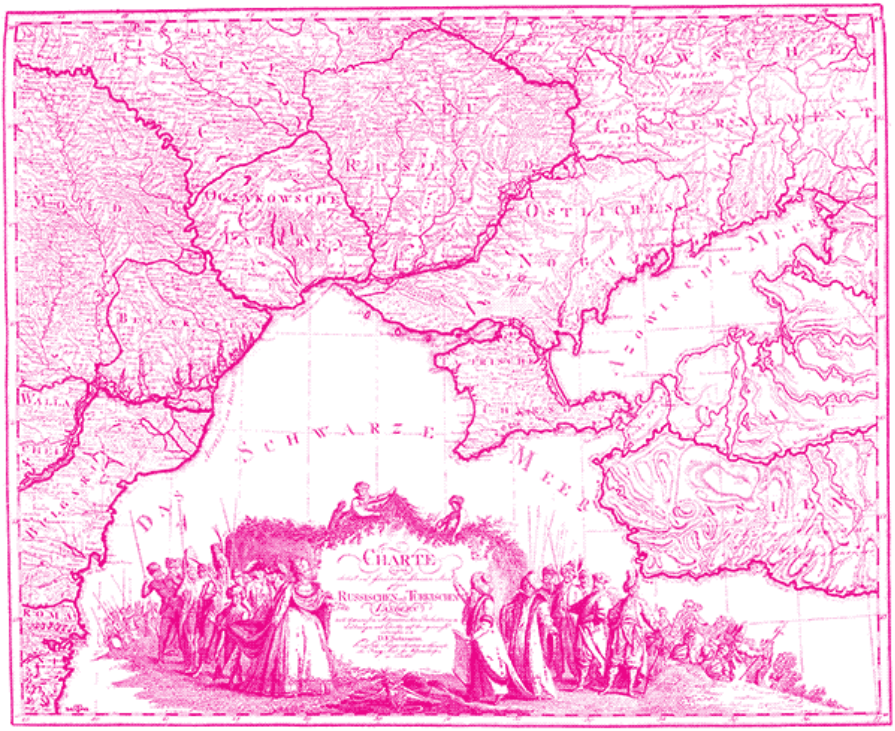
Видим, что чтение и размышление сообщили мысли Екатерины диалектическую гибкость, поворотливость в любую сторону, дало обильный запас сентенций, общих мест, примеров, но не дало никаких убеждений. У нее были стремления, мечты, даже идеалы, не убеждения, потому что признание истины не проникалось решимостью на ней строить нравственный порядок в себе и вокруг себя, без чего признание истины становится простым шаблоном мышления. Екатерина принадлежала к тем духовным конструкциям, которые не понимают, что такое убеждение и зачем оно нужно, когда есть соображение. Подобным недостатком страдал и ее слух: она терпеть не могла музыки, но от души смеялась, слушая в своем Эрмитаже комическую оперетку, в которой был положен на музыку кашель. Отсюда пестрота и совместная уживчивость ее политических взглядов и сочувствий. Под влиянием Монтескье она писала, что законы – самое большое добро, какое люди могут дать и получить; а следуя свободному непленному движению своей мысли, она думала, что

«снисхождение, примирительный дух государя сделают более, чем миллионы законов, а политическая свобода даст душу всему».

Но, признавая в себе «отменно республиканскую душу», она считала наиболее пригодным для России образом правления самодержавие или деспотию, которых основательно не различала; разграничить эти виды одного и того же образа правления затрудняются и ученые публицисты. Она сама заботливо практиковала этот образ правления, хотя соглашалась, что может показаться чудным сочетание республиканского «закала души» с деспотической практикой. Но одинаково с деспотией у нее шла к России и аристократия. «Хотя я и свободна от предрассудков и от природы ума философского, я чувствую большую склонность чтить древние роды, страдаю, видя здесь некоторые из них в нищете; мне хочется их поднять». И она считала возможным поднять их, восстановив майорат, украшая старших в роде орденами, должностями, пенсиями, землями. Это не мешало ей признавать аристократический замысел верховников безрассудным делом.

Вольтер. *С портрета, написанного в 1764 г. Даузелом*

В ее емком уме укладывались предания немецкого феодализма рядом с привычками русского правления и политическими идеями просветительного века, и она пользовалась всеми этими средствами по своим наклонностям и соображениям. Она хвалилась, что, подобно Алкивиаду, уживется и в Спарте, и в Афинах. Она писала Вольтеру в 1765 г., что ее девиз – пчела, которая, летая с растения на растение, собирает мед для своего улья, но склад ее политических понятий скорее напоминает муравейник, чем улей.



Карта Крымского полуострова и соседних с ним земель во второй половине XVIII века

Значение царствования. Изложив главные явления царствования императрицы Екатерины II, попытаемся на основании результатов ее деятельности сделать ей историческую оценку. Значение известной исторической эпохи или исторического дельца всего лучше оценивается тем, насколько увеличились или уменьшились в эту эпоху под влиянием исторического деятеля народные средства. Средства, которыми располагает народ, бывают материальные либо нравственные; итак, [следует] разрешить вопрос, насколько увеличились или уменьшились материальные и нравственные средства Русского государства в царствование Екатерины?

Увеличение материальных средств. Во-первых, материальные средства увеличились в громадной пропорции. В царствование Екатерины государственная территория почти достигла своих естественных границ, как на юге, так и на западе. Из приобретений, сделанных на юге, было образовано три губернии – Таврическая, Херсонская и Екатеринославская, не считая возникшей тогда же земли Войска Черноморского. Из приобретений, сделанных на западе, со стороны Польши, было образовано 8 губерний, которые перечисляю в порядке с севера на

юг: Витебская, Курляндская, Могилевская, Виленская, Минская, Гродненская, Волынская и Брацлавская (нынешняя Подольская). Итак, из 50 губерний, на которые была разделена Россия, целых 11 были приобретены в царствование Екатерины. Эти материальные успехи являются еще в более осязательном виде, если мы сравним населенность страны в начале царствования и в конце его. В начале царствования Екатерины, в 1762 и 1763 гг., была произведена III ревизия; по расчету пропорции ревизских душ к общему количеству населения, последнего считалось по III ревизии 19–20 млн душ обоего пола и всех состояний. В конце царствования Екатерины, в 1796 г., была предпринята законченная уже преемником Екатерины V ревизия. По такому же расчету отношения ревизских душ к общему количеству населения, жителей в империи считалось не менее 34 млн.

Итак, количество населения в царствование Екатерины увеличилось на три четверти. Вместе с тем усилились и государственные финансовые средства; ход этого усиления наглядно представляется по ежегодным финансовым ведомостям за все время царствования. В 1762 г. Государственное казначейство считало всех государственных доходов 16 млн руб. По финансовой ведомости 1796 г., сумма государственных доходов простиралась до 68 1/2 млн. Итак, население государства в продолжение царствования почти удвоилось; сумма государственных доходов с лишком учетверилась. Значит, не только увеличилось количество плательщиков, но возвысились и государственные платежи, возвышение которых обыкновенно принимается за знак усиления производительности народного труда. Итак, материальные средства в царствование Екатерины чрезвычайно усилились.

Усиление социальной розни. Напротив, средства нравственные стали слабее. Нравственные средства, которыми располагает государство, сводятся к двум порядкам отношений. Во-первых, они состоят в единстве интересов, связывающих различные племенные и социальные составные части государства друг с другом; во-вторых, в способности руководящего класса руководить обществом. В свою очередь, эта способность зависит от юридической постановки руководящего класса в обществе, степени понимания им положения общества и степени политической подготовки руководить им. Эти нравственные средства государства в царствование Екатерины значительно пали. Прежде всего, усилилась рознь интересов племенных, составных частей государства. В пестрый состав населения этого государства польскими разделами введен был новый, чрезвычайно враждебный элемент, который не только не усилил,

не поднял, но значительно затруднил наличные силы государства. Прежде на западной окраине существовал один элемент, на который русское общество должно было тратить значительные усилия; этот элемент состоял в немецком населении завоеванных Петром Остзейских провинций. Теперь к этому элементу, который с трудом растворялся химически в составе русского населения, присоединился другой, может быть столь же неподатливый, – польское население завоеванных провинций Речи Посполитой. Польский элемент в старинных русских областях не составил бы ни малейшего затруднения для Русского государства, он исчез бы под влиянием первого благоприятного ветра с востока, но этот элемент стал силой благодаря тому, что в состав территории Русского государства, кроме юго-западных областей, введены были и некоторые части настоящей Польши. Зато одна из важных областей Юго-Западной Руси, связанная органически с остальными, – Галиция – очутилась за пределами Русского государства, усиливая разлад, внесенный в наши западные международные отношения.

Далее, усилилась рознь между социальными составными элементами коренного русского общества. Это усиление было следствием тех отношений, в какие поставлены были законодательством Екатерины два основных класса русского общества – дворянство и крепостное крестьянство. Чтобы объяснить происхождение и значение этой розни, необходимо припомнить ход нашей внутренней государственной жизни со времени Петра. Петр разрешил один ряд вопросов внутренней политики, которые все сводятся к одному – вопросу об устройстве государственного хозяйства в связи с поднятием производительности народного труда. Вся внутренняя деятельность Петра имела характер экономический; коренные основы юридического порядка при нем остались нетронутыми. Но законодательство Петра, устроив народную и государственную жизнь, оставило один важный политический пробел; этот пробел состоял в уничтожении установленного обычаем старого порядка престолонаследия. По закону 1722 г. назначение наследника предоставлено было личному усмотрению царствующего государя. Так как после Петра не осталось обычного наследника, то этот закон отдал престол на волю случая. С тех пор, благодаря указанному пробелу, на несколько десятилетий в государственном управлении водворился произвол лиц, господство случая, лучше сказать, водворилась воля случайных лиц. Среди этой борьбы случайностей разрушался и государственный порядок, завершенный Петром.

Этот порядок состоял в принудительной разверстке

государственных повинностей между всеми классами общества, в государственном прикреплении сословий. Благодаря действию случая, одно сословие получило возможность несколько раз распорядиться престолом и начало превращаться из простого правительственного орудия в правящий класс, сбрасывая с себя одну за другой прежние свои государственные обязанности, но не теряя прежних прав и даже приобретая новые. Так одно сословие достигло государственного раскрепления, получило возможность жить для себя, руководилось сословными или личными интересами. Вслед за этим сословием раскрепилось и другое – торгово-промышленное. Оба класса составляли незначительную часть всего населения, но теперь они стали в исключительное положение. Логическим последствием раскрепления обоих сословий должно было быть облегчение государственных повинностей, лежавших и на остальных классах, т. е. более уравнительное распределение этих повинностей. Но это раскрепление остальных классов должно было совершиться иным путем, не таким, каким раскрепилось дворянство. Новое положение дворянина было признано законом, но оно подготовлено было не вполне законным порядком, революционными средствами. Освобождение дворянства от обязательной службы не совершилось бы так легко и скоро, если бы сословию не пришлось принять деятельное участие в создании высших правительств, т. е. в дворцовых переворотах по смерти Петра. Эти дворцовые перевороты и подготовили законодательное освобождение дворянства от обязательной службы.

Точно таким же путем думало раскрепиться и крепостное крестьянское население: вслед за дворянством и оно хотело достигнуть свободы рядом незаконных восстаний. Таков смысл многочисленных крестьянских мятежей, которые начались в царствование Екатерины II и которые, постепенно распространяясь, слились в громадный пугачевский бунт. Во имя общественного порядка не следовало допускать этих сословий до такого насильственного раскрепления: их положение следовало устроить законным путем, посредством правомерного определения отношений к земле. Этого правомерного определения не сделало правительство Екатерины. Таким образом, отношения двух основных классов русского общества к концу царствования Екатерины представляли еще менее гармонии, чем прежде; общественное разъединение стало еще резче. Таким образом, в царствование Екатерины усилилась рознь как в племенном, так и социальном составе государства.

Дворянство и общество. С другой стороны, понизилась

способность руководящего класса руководить обществом. Этим руководящим классом и во второй половине XVIII в. оставалось дворянство. Его нравственные и политические средства постепенно создавались обязательной службой, которая была политической и общественной школой для сословия. Припомним, как шла эта служба в продолжение XVIII в.

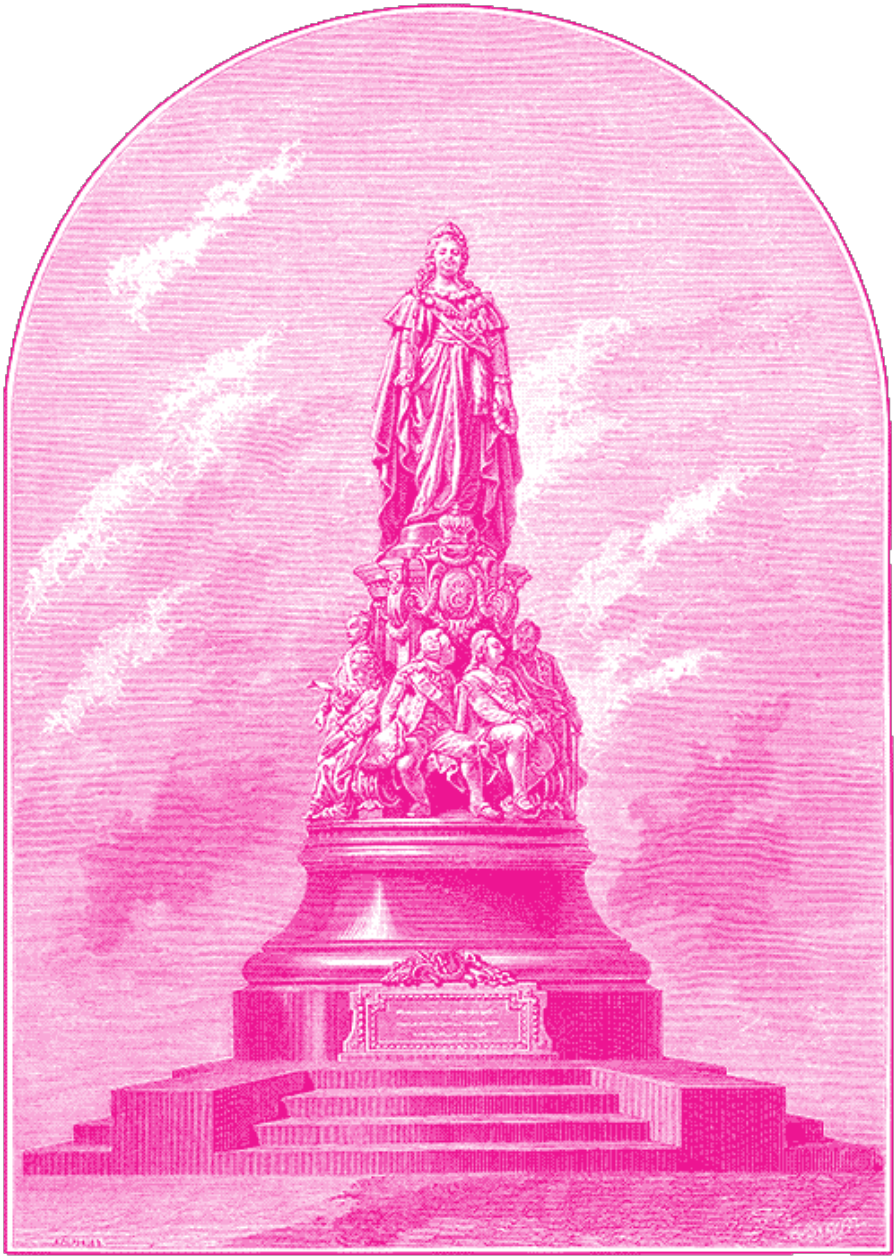
При Петре дворянин подвергался обязательной военно-технической выучке. Эта выучка при его преемницах сменилась светской муштровкой, которая отличалась от прежней гвардейской или навигацкой выучки тем, что не нужна была для самой службы, зато требовалась для успеха на службе. При Екатерине II не требовалась ни та, ни другая выучка – ни навигацкая наука, ни светская муштровка, потому что не требовалась и сама обязательная служба. Но дворянство вынесло из двух пройденных школ, несмотря на их внутреннее различие, если не сознание необходимости получать образование, то, по крайней мере, некоторый навык к учению, некоторый инстинктивный порыв к образованию (или воспитанию), воспоминание о пройденном учении. С этим навыком, или с этим воспоминанием, дворянство и вступило в положение, какое было создано сословию законом 18 февраля 1762 г. «О вольности дворянства», губернскими учреждениями 1775 г. и жалованной грамотой сословию 1785 г.

Екатерина II, окруженная семейством и придворными.
С гравюры 1784 г.

Вкусы, приобретенные на службе, поневоле теперь, развиваясь свободно, стали искать себе удобнейшей пищи. В царствование Екатерины, под влиянием примеров, шедших от

двора, к прежней светской муштровке присоединилось требование и некоторой литературной полировки. Обширный досуг, открывшийся сословию с освобождением от обязательной службы, доставлял ему возможность приобретать эту полировку. Наклонность к чтению при Елизавете, бесцельная и беспорядочная, при Екатерине получила более определенное направление. Чтобы оживлять дремлющий, вянущий от праздности ум, щекотать дремавшую мысль, высший слой дворянства стал жадно заимствовать смелые и пикантные идеи, распространявшиеся в чужой литературе. Таким образом, можно обозначить главные моменты, пройденные дворянством на пути образования: петровский артиллерист и навигатор через несколько времени превратился в елизаветинского петиметра, а петиметр при Екатерине II превратился, в свою очередь, в homme de lettresa, который к концу века сделался вольнодумцем, масоном либо вольтерьянцем; и тот высший слой дворянства, прошедший указанные моменты развития в течение XVIII в., и должен был после Екатерины руководить обществом.[1] Легко заметить скудность политических и нравственных средств, какими этот класс располагал для руководства своим обществом. Надобно представить себе положение этого слоя в конце века, не указывая на лица, ибо все лица, служившие представителями этого слоя, в основных чертах были похожи друг на друга. Положение этого класса в обществе покоилось на политической несправедливости и венчалось общественным бездельем. С рук дьячка-учителя человек этого класса переходил на руки к французу-гувернеру, довершал свое образование в итальянском театре или французском ресторане, применял приобретенные понятия в столичных гостиных и доканчивал свои дни в московском или деревенском своем кабинете с Вольтером в руках. С книжкой Вольтера в руках где-нибудь на Поварской или в тульской деревне этот дворянин представлял очень странное явление. Усвоенные им манеры, привычки, понятия, чувства, самый язык, на котором он мыслил, – все было чужое, все привозное, а дома у него не было никаких живых органических связей с окружающими, никакого серьезного дела. Ни участие в местном управлении, ни сельское хозяйство не задавали ему такой серьезной работы. Таким образом, живые, насущные интересы не привязывали его к действительности. Чужой между своими, он старался стать своим между чужими и, разумеется, не стал. На Западе, за границей, в нем видели переодетого татарина, а в России на него смотрели, [как] на случайно родившегося в России француза. Так он стал в положение межеумка, исторической ненужности; рассматривая его в этом положении,

мы готовы жалеть о нем, думая, что ему иногда становилось невыразимо грустно от этого положения. Бывали случаи проявления такой грусти или отчаяния от мысли о невозможности примириться с окружающей действительностью.



Памятник Екатерине II в Санкт-Петербурге

Пример такого отчаяния представляет ярославский помещик Опочинин. Он воспитался в понятиях и чувствах, которые составляли верхний слой тогдашнего умственного и

нравственного движения в Европе. Разумеется, усвоенные отсюда идеалы поставили Опочинина в непримиримую вражду с окружающей действительностью. Не умея примириться с ней, Опочинин, более искренний, чем другие люди того же образа мыслей, в 1793 г. покончил с собой. В предсмертном завещании он пишет, объясняя свой поступок: «Отвращение к нашей русской жизни есть то самое побуждение, принудившее меня решить своевольно свою судьбу». По завещанию Опочинин пустил на волю два семейства дворовых, а барский хлеб велел раздать крестьянам. Он не освободил крестьян, ибо по тогдашнему законодательству еще был вопрос, имеет ли право помещик освобождать крестьян и отпускать их на волю. Всего любопытнее в завещании строки о библиотеке помещика. «Книги, – пишет он, – мои любезные книги! Не знаю, кому завещать их: я уверен, в здешней стране они никому не надобны; прошу покорно моих наследников предать их огню. Они были первое мое сокровище, они только и питали меня в моей жизни; если бы не было их, то моя жизнь была бы в беспрерывном огорчении, и я давно бы с презрением оставил сей свет». За несколько минут до смерти Опочинин имел еще духу начать перевод стихотворения Вольтера «О Боже, которого мы не знаем».

Но Опочинин – исключительное явление. Люди его образа мыслей не разделяли его космополитической скорби, не грустили и даже не скучали; грустить они начали несколько позже, в царствование Александра I, а скучать еще позже, в царствование Николая. Вольтерьянец времен Екатерины был весел и только. Он праздновал свой выход в отставку после вековой, обязательной службы и, подобно выпущенному из корпуса кадету, не мог налюбоваться на свой дворянский мундир, с которым его освободили от службы. По-видимому, идеи, которыми он увлекался, книжки, которые он читал, должны были ставить его, как и Опочинина, в непримиримую вражду с окружающей действительностью, но вольтерьянец конца XVIII в. ни с чем не враждовал, не чувствовал в своем положении никакого противоречия. Книжки украшали его ум, сообщали ему блеск, даже потрясали его нервы. Известно, что образованный русский человек никогда так охотно не плакал от хороших слов, как в прошедшем столетии. Но далее не простиралось действие усвоенных идей; они, не отражаясь на воле, служили для носителей своих патологическим развлечением, нервным моционом; смягчая ощущения, не исправляли отношений, украшая голову, не улучшали существующего порядка.

Нельзя, однако, думать, чтобы поколение этих вольтерьянцев было совсем бесплодным явлением в нашей истории. Само это

поколение не сделало употребления из своих идей, но оно послужило важным передаточным пунктом. Не применяя к делу своего умственного запаса, поколение это сберегло до поры до времени и передало его следующему поколению, которое сделало из него более серьезное употребление. Таким образом, руководящий класс, очутившись во главе русского общества в конце XVIII в., не мог стать деятельным руководителем этого общества; наибольшая польза, какую он мог сделать этому обществу, могла состоять только в решимости не делать ему вреда.

Визитная карточка екатерининского времени

notes

Примечания

1

Данное сравнение В. О. Ключевского понятно, если учитывать, что петиметр – «маленький человек», *a home de lettress* – «человек с большой буквы».